

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И.В. Евсева
« ____ » _____ 2020 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**КОНЦЕПТ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
МОЛОДЁЖИ**

45.04.01 Филология
45.04.01.01 Русский язык

Магистрант	_____	С.С. Срмикян
Научный руководитель	_____	докт. филол. наук, профессор О.В. Фельде

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	10
1.1. Политический дискурс: история исследования, подходы и методы	10
1.2. Сущностные признаки политического дискурса	18
1.3. Экстралингвистические особенности формирования концепта «цветная революция»	24
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	31
Глава 2. КОНЦЕПТ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	32
2.1. Политический концепт как объект лингвистического исследования.....	32
2.2. Понятийный слой концепта «цветная революция»	41
2.3. Образный и аксиологический слои концепта «цветная революция»	49
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	69
Глава 3. АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ (СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ) ..	70
3.1. Языковое сознание как объект лингвистического исследования	70
3.2. Теория ассоциативно-вербального поля.....	72
3.3. Ассоциативно-вербальное поле «цветная революция» в структурно-семантическом аспекте.....	76
3.4. Когнитивные классификаторы концепта «цветная революция» (по данным ассоциативного эксперимента).....	90
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	95

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	97
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	105
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	115
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Образцы анкет свободного ассоциативного эксперимента.....	116

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование проводится в рамках когнитивно-дискурсивной макропарадигмы на стыке двух лингвистических отраслей – лингвокультурологии и психолингвистики, что позволяет представить комплексную характеристику избранного для анализа объекта исследования.

Рубеж XX - XXI веков ознаменован повышением интереса к феноменам общественно-политической жизни, которые изучаются с позиций многих гуманитарных наук, в том числе и лингвистики. В центр исследовательского интереса входят такие политические концепты, как «демократия», «война», типичный для американского политического дискурса концепт «happiness» и т.п., которым посвящены работы таких языковедов, как М.А. Филиппова [2007], О.В. Иванова [2010], Н.В. Таратынова [2013] и другие.

Политический и исторический аспекты исследования «цветных революций» достаточно широко изучены и представлены в работах как российских (Г.Г. Почепцов, В.А. Кара-Мурза, А.О. Наумов, И.В. Максимов), так и зарубежных ученых (L.A. Mitchell, J. Gerlach). Однако в рамках лингвистики концепт «цветная революция» является малоисследованным. В диссертационном исследовании М.Э. Будиной с семантической и функциональной точек зрения рассматривается наименование «цветная революция», описываются особенности «возникновения и развития именованных «цветных революций», отличительных черт их дальнейшего функционирования в речи» [Будина, 2015: 5]. Содержание и структура концепта «цветная революция» на материалах публицистических текстов и данных ассоциативных экспериментов прежде не рассматривались.

Актуальность магистерской диссертации обусловлена следующим:

1) необходимостью расширения эмпирической базы для решения фундаментальных проблем общего языкознания: язык и социальная действительность, язык и сознание;

2) важностью исследования одного из актуальных политических концептов «цветная революция»;

3) потребностью изучения языкового сознания молодёжи.

Целью данного исследования является комплексная лингвокультурологическая и психолингвистическая характеристика концепта «*цветная революция*» в политическом дискурсе и языковом сознании красноярских студентов.

Для решения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) представить критический обзор работ по политическому дискурсу и политическим концептам;

2) выявить структуру и содержание концепта «цветная революция», охарактеризовать его концептуальные признаки;

3) выявить и описать языковые и стилистические средства экспликации образного и аксиологического слоев концепта «цветная революция»;

4) на материале результатов свободного ассоциативного эксперимента смоделировать и проанализировать ассоциативное-вербальное поле концепта «цветная революция»;

5) представить когнитивную интерпретацию результатов ассоциативного эксперимента.

Объектом исследования настоящей работы является концепт «цветная революция».

Предметом исследования являются структура и языковые способы вербализации концепта, а также его ассоциативное поле.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка и свободного ассоциативного эксперимента. Эксперимент

проводился в 2018 - 2020 годах в четырех высших учебных заведениях города Красноярск: в Сибирском федеральном университете, Красноярском государственном педагогическом университете имени В.П. Астафьева, Сибирском государственном университете науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва, Красноярском государственном медицинском университете. Студенты были представителями различных направлений подготовки: лингвистика, экономическая безопасность, прикладная информатика, менеджмент, международные отношения, ракетостроение, реклама и связи с общественностью, строительство уникальных зданий и сооружений, педагогика и психология развития, искусство и гуманитарные науки, история искусства, международная экономика, лечебное дело, физиология и биохимия растений, юриспруденция, пожарная безопасность, ядерная энергетика и теплофизика.

При формировании фокус-групп учитывались возрастной и социальный факторы. Всего в эксперименте приняли участие 521 студент в возрасте от 17 до 23 лет. Респондентам было предложено в ограниченный отрезок времени записать первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание «цветная революция». В результате было получено 1355 реакций, которые представлены в форме отдельных слов, словосочетаний и предложений.

Ассоциативный эксперимент не случайно проводился в студенческой среде. Молодёжь – это нестабильная в идеологическом смысле часть общества, поэтому ею легче всего манипулировать. Согласно общепринятому мнению, бесспорным лидерством в организации «цветных революций» обладают молодёжные организации: студенты создают некий образ «подлинной революционности», как бы выступая от лица всего народа. Как известно, главной движущей силой «цветных революций» является протестная часть народа. Наиболее протестной «частью народа» является молодёжь, уязвимая перед лицом манипуляции, следовательно, данная группа склонна открыто

протестовать и поддерживать оппозиционные силы в борьбе против действующей власти и властной элиты с применением «ненасильственной», «мягкой» силы.

Теоретико-методологическую базу составляют фундаментальные труды в области:

1) дискурсивной и политической лингвистики: Т. ван Дейк [1994, 1997, 2000, 2013], Чудинов А.П. [2006], Шейгал Е.И. [1998, 2000, 2004], Кибрик А.А. [1994], Демьянков В.З. [1994, 2002];

2) лингвистической концептологии и метафорологии: Лакофф Дж., Джонсон М. [2004], Арутюнова Н.Д. [1988, 1990, 1999], Бабушкин А.П. [2001], Баранов А.Н [1991, 2000, 2004];

3) психолингвистики: Тарасов А.Ф. [2000, 2004], Уфимцева Н.В. [2000, 2011, 2016], Долинский В.А [2003].

В рамках данного исследования использовались **следующие методы**.

На этапе сбора материала применялся метод выборочной расписки опубликованных политических текстов и метод свободного ассоциативного эксперимента. На исследовательском этапе использовался метод концептуального анализа, метод моделирования ассоциативного-вербального поля и метод лингвистического описания.

Научная новизна исследования заключается в том, что политический концепт «цветная революция» впервые подвергается подробному лингвистическому анализу. В лингвистический оборот вводится уникальный материал – данные регионального языкового сознания.

Практическая и социокультурная значимость магистерской диссертации заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания курса политической лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии. Данные исследования также могут быть использованы в научно-исследовательской работе при изучении

политических концептов политологами, специалистами в области политического прогнозирования. Кроме того, значимость работы заключается в необходимости анализа общей осведомленности и ценностных ориентаций студентов как наиболее уязвимой в информационно-психологической войне социальной группы.

Апробация результатов исследования. Основные результаты магистерской диссертации были представлены на Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» 23–24 апреля 2019 года. По материалам магистерской диссертации опубликована статья «Вербально-ассоциативное поле концепта-идеологемы «цветная революция» в языковом сознании молодежи».

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, включающего 114 наименований, приложения. *Во введении* раскрывается актуальность работы, ставятся цели и задачи, определяется предмет, объект, методы исследования, говорится о новизне, практической значимости и апробации результатов исследования. *В первой главе* раскрываются теоретико-методологические основы исследования политического дискурса, а именно: рассматривается понятие политического дискурса как объекта данного исследования, раскрываются сущностные признаки политического дискурса, а также иллюстрируются основные экстралингвистические особенности феномена «цветная революция». *Во второй главе* концепт «цветная революция» рассматривается в рамках лингвокультурологии. Описываются наиболее распространенные подходы к изучению политических концептов, определяются место концепта в типологии концептов, методики концептуального анализа. Более того, в данной главе описываются понятийный, образный и аксиологический слои концепта «цветная революция» на основе текстов, представленных в Национальном

корпусе русского языка. *Третья глава* посвящена изучению ассоциативного поля как инструмента исследования языкового сознания и ценностной картины мира. В данной главе моделируется и анализируется ассоциативно-вербальное поле концепта «цветная революция», описываются особенности структуры ассоциативных полей, описываются выделяемые семантические зоны, а также раскрываются когнитивные классификаторы концепта. *В Приложении* магистерской диссертации представлены образцы анкет респондентов разных гендерных групп, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Политический дискурс: история исследования, подходы и методы

Интерес исследователей к проблематике политической коммуникации, а также различных аспектов политического дискурса нарастает с каждым годом.

Одними из первых к языку политики, а точнее к языку тоталитарных режимов, обратились В. Клемперер и Дж. Оруэлл. В «ЛТГ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога» В. Клемперера, где немецкий филолог делится своими наблюдениями об официальном и бытовом языке нацистской Германии, подчеркивается важность языка, как инструмента влияния на массовое сознание людей, создание общественного мнения [Klemperer, 1947]. Английский писатель Дж. Оруэлл в своем романе «1984» также обращает внимание на особенности тоталитарного языка, то есть генерального, примерного языка политики. В «Приложении» антиутопии автор выделил *Словарь В*, который состоял из специальных терминов, напитанных политическими смыслами, которые, в свою очередь, при произнесении заключали в себе определенную позицию [Оруэлл, 2014: 270 – 278]. Однако особое внимание политической коммуникации было уделено уже в конце XX – начале XXI века. Именно в этот период возникает большое количество исследований, посвященных политическому дискурсу (Е.В. Бакумова, А.Н. Баранов, Р. Водак, Е.А. Попова, П. Серио, Е.И. Шейгал, N. Fairclough, I. Faircloigh, G. Lakoff, T.A. van Dijk). Большой интерес к политическому дискурсу является естественной реакцией на возросшую взаимообусловленность политических процессов и обыденной жизни людей. По мнению Н.В. Зайчиковой, «современные политические процессы, совместно с кажущейся непредсказуемостью поведения политиков и всё большей конструируемостью массового сознания объясняют активизацию

разного рода политических исследований, в том числе и лингвистических» [Зайчикова, 2011: 17]. Следовательно, политический дискурс стал центром притяжения для многих дисциплин (политологии, философии, психологии, социологии, культурологии, а также смежных наук), которые не могли игнорировать наличия «политического» в жизни человека.

Наиболее распространенными для изучения аспектами и составляющими политического дискурса, по мнению Т.Д. Фоминой, в разные этапы были:

- «семиотика политического дискурса», которая представлена прежде всего в работах А. Дорлиггйна, А.А. Карамовой, Т.Б. Крючковой, Е.И. Шейгал, E.Andrews, W.Dieckmann, G.Orwell и др.;
- «функционально-стилевые особенности политического дискурса» преимущественно встречаются в трудах А.Н. Баранова, Н.А. Болгаревой, M.L.Geis, H.D.Lasswell и др.;
- «специфика воздействия на адресата и использование политическими ораторами различных стратегий для усиления воздействия на аудиторию» исследуется Д.А. Бокмельдером, Г. Лебоном, И.А. Стерниным, N.E. Enkvist, R. Hart, J. Frish, J. Wilson, K. Sornig и др.;
- «репрезентация говорящего в политическом дискурсе и речевого поведения политического оратора» рассматривается в трудах В.И. Карасика, Д.А. Крячкова, А.В. Медведевой, К.Ф. Седова, M.Atkinson и др.;
- «анализ риторического аспекта политической речи» исследуется Г.Г. Хазагеровым, Л.С. Чикилевой, C.Campbell, J.A.Winans и др.;
- «изучение процессов концептуализации информации на материале метафор» в работах А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, А.В. Степаненко и др.;
- «исследования национальных и индивидуальных особенностей политической речи» В.М. Алпатовым, Н.В. Ивановой, М.М. Назаровым, В.Н. Радченко, А.Т. Тазминой, В.М. Широких, D.Green и др. [Фомина, 2006: 11].

Для данной работы актуальными аспектами изучения политического дискурса выступают лингвокультурологический и психолингвистический, которые в настоящее время разработаны слабо. Это обстоятельство вписывает наше исследование в круг наиболее актуальных работ, посвященных политическому дискурсу.

Большое количество трудов, посвященных политическому дискурсу, породили значительное количество смыслов и дефиниций терминосочетания «политический дискурс». Более того, аналогами политического дискурса выступают такие сочетания, как «общественно-политическая речь» (Т.В. Юдина), «агитационно-политическая речь» (А.П. Чудинов), «язык общественной мысли» (П.Н. Денисов), «политический язык» (О.И. Воробьев) [Ефимова, 2013: 22]. В нашем исследовании нами рассматривается понятие «политический дискурс», так как оно является «системообразующим», то есть семантически более релевантным.

Отсутствие единогласия к осмыслению и, следовательно, толкованию «политического дискурса» можно определить двумя факторами: а) различная трактовка термина «политический»; б) различное понимание термина «дискурс». В этой связи возникли два основных подхода к определению. Прежде всего исследователи рассматривают его в узком и широком смыслах.

Широкий подход к определению политического дискурса представлен точкой зрения различных исследователей. Мы обратим наше внимание на дефиниции представленные Н.А. Герасименко, А.Н. Барановым, Е.И. Шейгал и Ю.А. Сорокиным.

По мнению Ю.А. Сорокина, политический дискурс стоит рассматривать как часть идеологического дискурса: «Политический дискурс есть разновидность видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен. Первый вид дискурса – субдискурс, второй вид

дискурса – метадискурс» [Сорокин, 1997: 57]. Таким образом, автор подчеркивает, что политический дискурс стоит рассматривать как борьбу за власть номинаций (за власть называния, за власть в сфере обозначения) и тем самым борьбу за основополагающие ценности.

Н.А. Герасименко дает более развернутое определение, представляя политический дискурс, как «сумму речевых поведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений)» [Герасименко, 1998: 22].

А.Н. Баранов также придерживается широкого понимания термина «политический дискурс». Ученый под политическим дискурсом понимает «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых и формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов, 2004: 7–8]. Автор устанавливает, что политический дискурс определяется определенной ограниченностью тем (предметов обсуждения), а также теми языковыми средствами (дискурсивными практиками), которые используются для обсуждения таких тем.

Е.И. Шейгал отмечает, что «политическим дискурсом может именоваться любое речевое образование, субъект, адресат и содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2000: 14]. Важно подчеркнуть, что политика, в определении Е.И. Шейгал – это динамичный процесс, в котором принимаются и претворяются в жизнь важные для общества решения. Следовательно, значимым компонентом в политическом дискурсе является общение, при котором происходит постоянное столкновение интересов сторон, которые принимают участие в процессе принятия и реализации тех или иных решений. Таким образом, Е.И. Шейгал включает в понятие политического дискурса как «институциональные, так и неинституциональные формы общения, если у них к

сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, содержание сообщения, адресат» [Шейгал, 2000: 33].

Следуя широкому подходу к определению политического дискурса, и политические слухи, и мемуары политиков, и скандирование лозунгов, и газетно-публицистические тексты, и научные политические статьи, а «также многое другое, принадлежащее к сфере политики в любой из трех ее составляющих» (субъект, содержание сообщения, адресат) [Михалёва, 2009: 10], в данном исследовании относится к политическому дискурсу

При **узком подходе**, политический дискурс рассматривается в рамках институциональной формы общения (например, указ, инаугурационная речь, отчетный доклад, партийная программа и т.д.) [там же: 9]. Политический дискурс строго ограничивается некоторыми типичными целесообразно ориентированными формами поведения определенных лиц, в данном случае политиков, в определенных ситуациях [Фролов, 1994: 235]. Таким образом, можно говорить о наличии некоторых стандартных «для данной сферы речевых событий, типичных моделей речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей, типичной (и этой типичностью ограниченной) тематике общения» [Михалёва, 2009: 9]. По нашему мнению, узкое понимание политического дискурса подробно представлено в концепции Тён ван Дейка в статье «What is Political Discourse Analysis?» (*пер.* «Что такое политический дискурс-анализ?») 1997 года. Размышляя над определением «политического дискурса», автор приходит к заключению о том, что «политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой: правительственные обсуждения, парламентский дебаты, партийные программы, речи политиков» [Teun A. van Dijk, 1997: 12]. Политический дискурс – это дискурс политиков.

В нашем исследовании мы придерживаемся широкого подхода в определении политического дискурса, то есть для нас имеет значение факт

формирования и влияния на политическое сознание. Таким образом, любые разговоры о политике, высказывания политических деятелей так или иначе создают общественное мнение, которое, в конечном итоге, влияет на ход политического процесса.

Анализ лингвистических работ по политическому дискурсу показал, что в настоящее время используются различные подходы и методы к анализу данного феномена:

1. Политический дискурс традиционно анализируется с помощью **риторического и лингвопрагматического методов**, с помощью которых преимущественно исследуются стратегии и тактики, приемы создания и представления политических текстов, композиция речи, ее стиль и способы убедительного представления идей с использованием фигур речи и тропов, а также теория аргументации и метафорики (аналогично: [Таратынова, 2013: 28]). Наиболее известными представителями данного направления в отечественной и зарубежной лингвистике являются: Н.Д. Арутюнова, И.В. Арнольд, Л.М. Грановская, В. Bates, R.H. Carpenter, Ivie, J. Jensen, M. Osborn, W. Rickert, H. Perelman.

2. **Когнитивный метод** исследования политического дискурса основывается на идее о том, что процесс усвоения, переработки и трансформации знания напрямую связан с когнитивными процессами (восприятие, язык, мышление, память, действие) [Забело, 2012: 42]. Когнитивный подход осуществляется через анализ фреймов [Сергеев, 1987], концептов [Шейгал, 2004] и метафорических моделей [Баранов, Караулов, 1991], [Будаев, Чудинов, 2006], [Лакофф, Джонсон, 2004]. Особый интерес для исследователей представляет изучение концептуальных метафор в сфере политической коммуникации. Изучением когнитивной метафоризации занимаются Т.Г. Попова [Попова, 2011], Э.В. Будаев, А.П. Чудинов [Будаев, Чудинов, 2006], А.Н. Баранов [Баранов, 2001]. Данный метод направлен на

«выявление ментальных схем, фреймов или когнитивных моделей, который лежат в основе создания и интерпретации текста. Структура и содержание этих когнитивных моделей играют весьма важную роль, как в осуществлении эффективной политической коммуникации, так и для формирования мнения о тех или иных событиях в определенной культуре или обществе» [Таратынова, 2013: 34].

3. **Дискурсивный (критический)** метод анализа позволяет рассмотреть политический дискурс в рамках трихотомии власть-язык-идеология. По мнению Н.В. Таратыновой, «данный метод позволяет выявить имплицитно выраженные бессознательные установки адресата и адресанта» [Таратынова, 2013: 31]. Для данного метода характерен анализ взаимоотношения дискурса и восприятия информации, то есть то, как первое влияет на второе. Язык определяется как социальное явление в критическом направлении; а дискурс рассматривается не только в качестве речезыковой действительности (процесса), но и как результат. Наиболее яркими представителями данного метода являются З. Харрис [Harris, 1952], Т. ван Дейк [van Dijk, 1997], Р. Водак [Wodak, 2011], работающие в рамках социолингвистического дискурс-анализа. Большую известность получили концепции дискурсивного понимания процесса метафоризации Й. Хальмига, Р. Хюльссе; концепции кризисной коммуникации Ф. Беера, Х. Де Ландтсхеера [Таратынова, 2013: 30-32].

4. Интервьюирование, обработка и классификация точек зрения информантов, описание и классификация политических текстов, изучение частотности употребления различных языковых единиц, их распределение и т.д. изучаются в рамках **количественного метода** анализа политического дискурса [Таратынова, 2013: 35]. Таким образом, данный метод позволяет составить речевой портрет политика с присущими ему атрибутами.

5. **Лингвоидеологический** метод анализ политического дискурса направлен на изучение важных и доминантных идеологий, которые формируют

и влияют на социальные позиции. Более того, данный метод исследует политический дискурс конкретного коммуникативного события. По мнению Т.В. Забело, лингвоидеологический метод анализа политического дискурса особенно актуален для изучения индивидуального дискурса, где можно выявить влияние идеологий в дискурсе отдельного политика [Забело, 2012: 75]. Лингвоидеологический анализ представлен в работах Т. ван Дейка. Н.А. Купинова, Д.В. Хохлова.

6. В рамках настоящего исследования предлагаются **лингвокультурологический подход** к анализу политического дискурса, одним из методов которого является метод концептуального анализа текста. По мнению Н.Ф. Алефиренко, в современной лингвистике нет однозначного подхода к проведению такого анализа, так как «методологические основания исследования проблемы взаимодействия языка и культуры только закладываются» [Алефиренко, 2016: 28]. Так, для В.Н. Телии методологической основой лингвокультурологического подхода служит «семиотическая презентация данных взаимодействия языка и культуры, рассматриваемое с учетом когнитивного содержания ментальных процедур, результатом которых и являются культурно оязыковленные ментальные структуры» [Телия, 1999: 17]. Таким образом, размытость методологической базы лингвокультурологического подхода нередко приводит к тому, что предмет ее исследования входит в состав когнитивной лингвистики. Концептуальный анализ политического дискурса позволяет эксплицировать ценностный, аксиологический и образные слои концепта «цветная революция» в российском политическом дискурсе.

В настоящее время при изучении политического дискурса преобладает комплексный **междисциплинарный подход**, то есть **анализ** политического дискурса представляет собой разнообразное комбинирование методов анализа, в частности когнитивного, риторического и дискурсивного и др., с методами

философии, психологии, культурологии и т.д., то есть смежных с лингвистикой наук.

Политический дискурс является важной частью общего дискурсивного опыта языка. Опираясь на определения, данные отечественными и зарубежными учеными, в данной работе мы рассматриваем политический дискурс как совокупность всех речевых актов, а также публичного права, традиций и опыта, который определяется и выражается в форме словесных образований, содержание, субъект и адресат которых относится к сфере политики.

1.2. Сущностные признаки политического дискурса

Далее остановимся на функциях политического дискурса, из которых мы и выведем основные характерные черты данного вида дискурса.

В данной работе мы приведем примеры значимых функциональных особенностей политического дискурса. Наиболее очевидная функция политического дискурса как явления коммуникативного – это так называемая **суггестивная функция** или функция внушения, убеждения, воздействия [Забело, 2012: 20]. Так, например, В.Г. Борботько выделяет такую составляющую среди функций речевой регуляции, как инспиратив (воодушевление), который речевым путем создает благоприятные условия для деятельности адресата [Борботько, 2005: 39]. Ученые-лингвисты, подчеркивая особую роль суггестии для политического дискурса, отмечают необходимость учета двух уровней психики адресата, на которую идет воздействие – разум и чувства [Забело, 2012: 20]. Г.Г. Дилигенский также выделяет два компонента социально-политических установок: когнитивный и аффективный, где когнитивный компонент указывает на реальность мира внешних объектов и ситуаций, а аффективный (эмоциональный) компонент установок отражает их истинную значимость в структуре личности [Дилигенский, 1996: 187].

По нашему мнению, именно суггестивная функция является функцией-зонтом политического дискурса, все последующие функции являются придатками к данной.

Например, исследователями выделяется такая функция политического дискурса, как **формирование общественного мнения** [Горшков, 1988]. Логично предположить, что общественное мнение не формируется без суггестии. Общественное мнение – это продукт политического дискурса, создаваемый путем внушения и распространения «нужной» информации. П.Бурдые в труде «Социология политики» заключил, что большинство людей в ходе различных опросов продемонстрировали отсутствие собственного мнения в силу ограниченности необходимых компетенций [Бурдые, 1993: 231–263].

Выделяется также **инструментальная функция** политического дискурса, то есть язык политики выступает инструментом, с помощью которого осуществляется борьба за власть [Шейгал, 2004: 49]. В рамках данной глобальной функции Е.И. Шейгал выделяет множество подфункций:

- функция социального контроля позволяет унифицировать поведение, мысли, чувства и желания масс, манипулировать общественным сознанием;
- функция легитимизации власти объясняет и оправдывает решения относительно распределения власти и общественных ресурсов;
- функция воспроизводства власти позволяет укрепить приверженность системе, а также через использование символов;
- функция ориентации стремится сформировать ориентиры: цели и проблемы, которые способны сформировать картины политической реальности в сознании масс;
- функция социальной солидарности, стремящаяся интегрировать весь социум или отдельные социальные группы;

- агональная функция заключается в инициировании и разрешении социального конфликта, выражения несогласия и протеста против действий властей;

- акциональная функция, то есть «проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения: мобилизация состоит в активизации и организации сторонников, тогда как под наркотизацией понимается процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпления бдительности» [Шейгал, 2004: 35–37].

Наиболее важным проявлением инструментальной функции является мобилизация к действию.

Выделяются также такие функции, как **распространение информации** (information dissemination), **«определение повестки дня»** (agenda setting), **«проекция в будущее и прошлое»** (projection to future and past) [Graber, 1981: 198]. Распространение информации о состоянии дел в политическом сообществе является важнейшей функцией политического дискурса, так как большинство людей не соприкасаются с политикой напрямую, поэтому пресс-конференции, интервью и много другое формирует у них определенное представление о положении дел [Шейгал, 2004: 52]. Функция определения повестки дня позволяет политикам регулировать информационное пространство вокруг той или иной темы и, таким образом, подбирать необходимые стратегии и тактики [Шейгал, 2004: 53]. Функция проекции в будущее и прошлое позволяет правильно строить аргументативный ряд, апеллируя прошлым положительным и/ или отрицательным опытом и проецируя образ будущего [Иванова, 2010: 22].

Следует также обратить внимание на **регулятивную/побудительную и референтную функции**. Политическая деятельность регулируется такими языковыми формами, как побуждение, запрет, дестабилизация, воодушевление.

«Особенность референтной функции языка составляет ярко выраженный креативный характер языка политики» [Зайчикова, 2005: 39].

Рассмотрев основные функции политического дискурса, мы переходим к описанию его важнейших особенностей:

1. Институциональность

Политический дискурс является институциональным. Отличительной особенностью политического дискурса в рамках иных институциональных дискурсов (педагогического, медицинского, юридического и пр.) – массовость и разнородность адресата [Шейгал, 2004: 60–61].

2. Фантомность и «самореферентные знаки»

Фантомность является неотъемлемой частью политического дискурса, состоянием политического сознания. Особенность политического пространства – это наличие фантомных, не имеющих никаких «означаемых», значений, которые не укоренены ни в какой реальности. «Самореферентные знаки» – это слова, в значении которых, отсутствует денотативный компонент (отсутствует реальный предмет обозначения)» [Забело, 2012: 22].

3. Фидеистичность

С фантомностью ПД связана фидеистичность, то есть иррациональность, опора на подсознание [Иванова, 2007: 55].

4. Роль фактора масс-медиа

Важную роль в политической коммуникации играют СМИ, которые проецируют политические события. Однако подверженность аналитическому прессингу укрепляет значимость не самого события, а его интерпретации [Gronbeck, 1996: 39]. В современном опосредованном политическом дискурсе политические сообщения являются сложными композициями из множества дискурсов, созданных на устных, визуальных и акустических языках. Политические сообщения передаются в виде составных изображений и в виде сгущений, что объясняет их неопределенность и экономичность.

5. Дистанцированность и авторитарность

Данная особенность политического дискурса, по мнению Е.И. Шейгал подразделяется на физическую дистанцию, коммуникативную дистанцию, символическую дистанцию, психологическую дистанцию, информационную дистанцию. Сегодня, благодаря СМИ, дистанцированность власти и народа размывается [Шейгал, 2004: 82–83].

6. Театральность

Метафора театра – это наиболее распространенный фрейм в рамках политического дискурса. «Театральность» в политическом дискурсе, прежде всего, проявляется в ролях, которые играют коммуниканты (политики – это актеры, народ – это зритель, адресат-наблюдатель), а также в сюжетно-ролевом компоненте и метафорике [там же: 86–91].

7. Динамичность

Данный признак политического дискурса связан с особенностью жизненного цикла политических событий. Большинство из них быстротечны и ограничены. Именно по этой причине терминологический аппарат очень подвижен и варьируется в зависимости от повести. Так, Е.И. Шейгал выделяет слои лексики, в зависимости от их стабильности: политические константы (*государство, парламент*), оценочно-маркированные базовые политические термины (*коммунисты, демократы*), наиболее подвижный слой – злободневная лексика «сегодняшнего» (*ваучер, приватизация*) [там же: 91–92].

8. Манипулятивность

Важнейшим инструментом манипулирования становится неопределенность, которая строится на основе следующих стратегий: вуалирования, сокрытия истины, анонимности. Неопределенность позволяет говорящему избегать крайностей, занимать нейтральную позицию [Иванова, 2010: 27].

9. Специфичность лексики и фразеологии

Для политического дискурса характерно широкое использование общественно-политической лексики и фразеологии, широкое употребление книжной лексики, использование заимствований из следующих языков: латинский, французский, греческий, немецкий и итальянский; обращение к именам собственным (антропонимам, топонимам, эргонимам и т.д.); частотно использование прилагательных, образованных от фамилий.

10. Идеологическая поляризация

Тён ван Дейк выделяет еще одну особенность, присущую ПД – «идеологическую поляризацию», то есть некую дискурсивную стратегию, направленную на позитивную репрезентацию себя и негативную репрезентацию других. Следовательно, исходя из этого принципа, подбираются необходимые структуры и стратегии в тексте и речи [Т. ван Дейк, 2013: 23 - 37]. В этом смысле, дискурс – это такая утилизация языка, которая позволяет выразить: а) особую ментальность; б) особую идеологию [Степанов, 1995: 38].

11. Апелляция к традиционным ценностям

Ценностные аспекты политического дискурса отражены в его базовых концептах (например: *власть, политик, freedom, prosperity* и др.) [Иванова, 2007: 52–53]. Характерной чертой политического дискурса является «примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием» [Шейгал, 2004: 45].

12. Высокая степень интертекстуальности

Политическому дискурсу присуща высокая степень интертекстуальности и потому опора на прецедентные тексты и концепты [Иванова, 2007: 57].

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что основными функциями политического дискурса являются суггестивная функция, функция формирования общественного мнения, инструментальная функция, распространение информации, «определение повестки дня», проекция в

будущее и прошлое, регулятивная и референтная функции. Исходя из основных функций, можно выделить такие характеристики политического дискурса, как институциональность, фантомность, фидеистичность, роль фактора масс-медиа, дистанционность и авторитарность, театральность, динамичность, манипулятивность, идеологическая поляризация, специфичность лексики и фразеологии, идеологическая поляризация, апелляция к традиционным ценностям, высокая степень интертекстуальности.

1.3. Экстралингвистические особенности формирования концепта «цветная революция»

На содержание концептов и их «жизненный цикл» влияют экстралингвистические факторы. Рассмотрим эти факторы применительно к концепту «цветная революция».

Корни феномена «цветной революции» уходят в 1823 г., когда впервые президентом США Джеймсом Монро была опубликована «Доктрина Монро». Благодаря данному документу произошла институционализация «Pax-Americana», мессианской идеи мироустройства. Даная теория предложила универсальную идею построения мира по американскому подобию [Бочанов 2011: 20]. Элементом предлагаемой теории также является провозглашение доктриной определенных универсалий, бенефициарами которых являются США, в рамках которых европейские государства (державы) не могли вмешиваться во внутренние дела других независимых стран с целью их угнетения и установления контроля над ними, так как данные акты расценивались США как нарушение дружественных отношений.

Практическая реализация идеи «цветной революции» существует давно, но теоретическое обоснование это явление получило только в начале 1990-х гг. Фундаментальный труд гарвардского профессора Джина Шарпа «От диктатуры

к демократии. Концептуальные основы освобождения», изданный в 1993 году «Институтом Альберта Эйнштейна», стал обучающим пособием для всех революционеров. Немалую роль сыграл глава Института Роберт Хелви (в прошлом высокопоставленный офицер Разведуправления Министерства США), который занимался практической работой, практической реализацией идей Шарпа.

В работе Дж. Шарпа наиболее полно и ясно изложены технологии приведения в жизнь ненасильственной революции, стремящейся побороть диктатуру. В книге детально изложены тактики и стратегии ведения мирных акций внутри государства. Молодые «революционеры» Югославии, Грузии, Украины, Киргизии и многих других государств руководствовались именно этими методами борьбы.

Одна из особенностей свержения «диктатуры» – массовое политическое неповиновение со стороны населения и его институтов [Шарп, 2005: 68]. Дж. Драйзек и Л. Холмс в книге «Post-communist Democratization» пишут, что «диктаторский режим» становится особенно чувствительным в тот момент, когда сталкивается с хорошо продуманным политическим неповиновением [Dryzek and Holmes, 2002: 127]. Такое «политическое неповиновение» является результатом кризиса экономического и внутривнутриполитического характера новых независимых государств, геополитического влияния сверхдержав, которые продвигают свои интересы, а также экономического дисбаланса, проявляющегося в нищете населения, отсутствии среднего класса, который принято считать гарантом стабильности.

Вышеуказанные причины принято принимать во внимание при описании событий, которые произошли в конце 1980-х гг. в ряде стран Восточной Европы, где имели место коренные изменения в устройстве их политических систем с появлением прозападных идей. Именно в это время в политическую среду вошло понятие «ненасильственная революция». В тот период

«ненасильственная смена власти» не имела широкого теоретического пласта, следовательно, как технология этот феномен тоже не рассматривался [Roberts and Ash, 2009: 78]. Появление уже привычного нам термина «цветная революция» относится к началу 2000-х гг.

Термин «революция» берет свое начало от позднелатинского слова *revolution*, что означает «коренное качественное изменение общества или познания, предполагающее открытое разрушение предшествующего состояния» [Волочаева, 2015: 83]. Однако являются ли «цветные революции» революциями с теми «классическими» принципами, которые приписываются революции? Дж. Голдстоун предлагает восьмифакторную модель, с помощью которой он описывает любые мятежи и революции [Гапич, Лушников, 2010: 23]:

1. Убежденность народа в том, что правительство неэффективно и основывается на устаревших принципах, что приводит к увеличению числа людей, которые не доверяют государству и более не преданы ему;
2. Наблюдается восстание элит, направленное против государства;
3. Народное восстание, сопряженной с жителями как города, так и села, против государства и власти элит;
4. Повсеместное применение насильственных методов борьбы и гражданская война;
5. Преобразование политических институтов;
6. Изменение статуса и власти традиционных элит, преимущественно владельцев земли (помещиков) в аграрных обществах;
7. Изменение в базисных формах экономической организации и собственности;
8. Изменение символов и верований, которые оправдывают распределение власти, статуса и богатства.

В общем, можно сделать вывод, что «цветные революции» – это особый симбиоз переворота и революции элит, однако, без изменений в области

экономической организации и форм собственности. Следовательно, термин «цветная революция» не является революцией в общем ее понимании, это в большей степени политическая революция, целью которой является смена правящего режима. Более того, цветные революции призывают соблюдать законность конституции, в то время как революция стремится изменить конституционный строй [там же: 25]. В настоящее время «цветными революциями» именуют последовательный процесс, сопровождаемый уличными беспорядками и протестами населения, при этом необходимое условие – это поддержка революции зарубежными неправительственными организациями. «Революция» обычно приводит к смене политического режима и правящих элит ненасильственными методами.

Известный политолог С. Марков выделил 10 особенностей революций XXI века [Марков, 2005]:

1. Свержение правящих элит осуществляется как мирными методами, не используется оружие и не применяется физическое насилие.
2. Наиболее важным мероприятием являются выборы.
3. Блокирование правительственных учреждений и массовые выступления являются главным принципом воздействия.
4. Политическое преимущество отводится коалиции неправительственных организаций.
5. Важная роль внешних сил: финансирование; использование статуса верховного арбитра; предъявление ультиматума действующей власти; посредники в переговорах.
6. Революция возникает в большинстве случаев в полудемократических странах, когда действует режим внешней власти и в то же время оппозиции предоставлена возможность использования всех благ открытого общества.

7. Организацией «цветных революций» занимается не контрэлита, а часть старой элиты, которая обладала властными полномочиями в предыдущие годы.

8. Революция приводит к смене геополитической ориентации в политическом аспекте, причем в пользу финансирующей и легитимизировавшей «цветную революцию» внешней силы.

9. В отношении к демократии такие революции нейтральны.

10. К особенностям цветной революции можно отнести открытость и публичность действий.

Термин «цветные революции», следовательно, в большей степени подходит для обозначения двух социальных явлений:

1. Социальная трансформация, выраженная массовыми волнениями, которые приводят к смене правящей элиты на контрэлиту;

2. «Цветная революция» как интерес внешних и внутренних сил с использованием технологий смены режима.

В настоящее время «цветными революциями» принято называть «Бульдозерную революцию» в Югославии, «Революцию роз» в Грузии, «Оранжевую революцию» на Украине и «Тюльпановую революцию» в Киргизии и др. Все эти «революции» произошли в начале XXI века, где организаторами таких переворотов успешно удавалось рекрутировать активную, образованную и критически настроенную молодежь. Следовательно, основными действующими лицами «цветных революций» являются гражданские лица, а не военные структуры, например. Недовольство граждан населения вызывалось «прежде всего длительным нахождением у власти одних и тех же правящих элит» [Волочаева, 2015: 83]: Э. Шеварнадзе в Грузии, А. Акаева в Киргизии, Л. Кучмы на Украине, С. Саргсяна в Армении. Продолжительное управление страной одного лица подогрело оппозиционные движения в странах, где «цветные революции имели место быть

Корякина 2007: 50]. Таким образом, оппозиция выступает на передовой революции и является главным рупором, призывающим к выполнению актов, направленных на мирную смену властных элит. Однако существующие технологии осуществления «цветной революции» дают нам четкое понимание того, что не только внутренние проблемы выступают камнем преткновения между властью и народом. Принято считать, что «организаторы» «революции» не находятся на непосредственном месте проведения протестов, они оказывают финансовую и политико-консультативную помощь массам на расстоянии.

В настоящее время национальный интерес в первенстве интересов государств находится на почетном первом месте. Развитые страны для удержания лидерства данной позиции прибегли к распространению «демократии», которая в свою очередь оказывает отрицательное воздействие на «демократизируемые страны», так как еще больше размывают «центр» и «периферии».

Таким образом, цветные революции, как уникальные в своем роде политические явления XXI века, проецируют сложную и многогранную систему смены власти в отдельно взятом государстве. Эволюция, становление и развитие цветных революций входят в сферу интересов исследователей, изучающих трансформации политических режимов на пост-коммунистическом пространстве. В начале 2000-х с появлением наименования «цветная революция» в медиа-дискурсе, а затем его естественной интеграции в политический дискурс породили немалое количество исследований в области ненасильственных революций, которые в настоящее время сохраняют свою актуальность.

Цветные революции на сегодняшний день являются серьезной угрозой для любого политического режима, так как они включают в себя управляемые политические процессы, уникальные для своего времени политические технологии, инициируемые и внедряемые транснациональными агентами и

направленные на трансформации политического режима в отдельно взятом государстве. Причем такая трансформация происходит по траектории, заданной иностранным заказчиком вследствие геополитического и экономического интереса агента и неограниченного количества ресурсов для удовлетворения таких интересов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. В ходе исследования установлено, что политический дискурс является одним из основных объектов современной коммуникативно-дискурсивной лингвистики. Опираясь на определения, данные отечественными и зарубежными учеными, в данной работе мы рассматриваем политический дискурс как совокупность всех речевых актов, текстов, а также публичного права, традиций и опыта, который определяется и выражается в форме словесных образований, содержание, субъект и адресат которых относится к сфере политики.

2. Основными функциями политического дискурса являются суггестивная функция, функция формирования общественного мнения, инструментальная функция, функция распространения информации, «определения повестки дня», проекции в будущее и прошлое, а также регулятивная и референтная функции. Исходя из этого, можно выделить такие сущностные характеристики политического дискурса, как институциональность, фантомность, фидеистичность, роль фактора масс-медиа, дистанционность и авторитарность, театральность, динамичность, манипулятивность, идеологическая поляризация, использование общественно-политической лексики и фразеологии, апелляция к традиционным ценностям, высокая степень интертекстуальности.

3. С начала 2000-х появлением наименования «цветная революция» в медиа-дискурсе и его скорой интеграцией в политический дискурс интерес исследователей к проблеме ненасильственных революций растет. Цветные революции на сегодняшний день являются серьезной угрозой для любого политического режима, так как они включают в себя управляемые политические процессы, уникальные для своего времени политические технологии, инициируемые и внедряемые транснациональными агентами и направленные на трансформации политического режима в отдельно взятом государстве.

Глава 2. КОНЦЕПТ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

2.1. Политический концепт как объект лингвистического исследования

Рассмотрение дискурса как «вербализации определенной ментальности» предполагает представление ряда понятий, которые позволят осмыслить когнитивную организацию дискурса. О.Л. Михалёва выделяет такие термины, как *концепт*, *фрейм*, *сценарий*, *ментальное пространство* и т.п. В частности *дискурс*, как отмечено выше, определен как «вербализация определенной ментальности»; *ментальность* (или ментальное пространство) понимается как «совокупность концептов и место локализации определенного концепта»; *концепт* является ментальным образованием, которое обладает комплексной структурой, воплощаемой фреймом; фрейм в свою очередь служит инструментом для «структурирования концепта»; *сценарий* определяется как «упорядоченная последовательность действий, “когнитивная операция типа правил концептуального вывода”, обеспечивающая выбор набора слотов из структурирующего определенный концепт фрейма» [Михалёва, 2009: 24].

Для нашего исследования целесообразно остановиться на *концепте*. Несмотря на то, что *концепт* является инструментом оперирования в когнитивной лингвистике [Маслова, 2011: 13], его изучение в рамках лингвокультурологии представляет особый интерес для данной работы, так как это позволит нам изучить непосредственно сам политический концепт и то, как он представлен на понятийном, образном и аксиологическом уровнях.

По нашему мнению, единство дискурса определяется преимущественно таким критерием, как концепт. Концепт является сложной категорией, не подлежащий «частной смысловой редукции: тематической, аксиологической, стилистической» [Белых, 2019: 37]. Следовательно, концепт отличается своей

универсальностью и/или всеобъемлющностью. Более того, сложным остается дать содержательное и функциональное определение концепту, так как он является одновременно и функцией, и содержанием. Вербализация концепта или «трафарирование» его в материально-знаковую систему придает концепту условность, не позволяет рассмотреть концепт полностью. В большинстве случаев концепт раскрывается в глубоких и комплексных построениях нормативных текстов, разворачивающих образ концепта.

Несмотря на большое количество определений, большинство исследователей склонны согласиться с тем, что концепт – это сложное ментальное явление, что существенно осложняет его изучение. Для политического дискурса концепт служит высшим смысловым ориентиром в любом его выражении, «высшее условие смыслового единства и устойчивости дискурса, но он же – источник его внутренних конфликтов, противоречий, отрицаний – внутренних импульсов смыслового развития дискурса» [Белых, 2019: 52]. Политический дискурс рассматривает концепт как основу национально-политической идентификации личности.

Следует отметить, что невербализованные концепты не поддаются всеобщему пониманию. Следовательно, концепт становится частично «доступным» посредством своей вербализации. Для изучения концептов необходимо выявить и проанализировать языковые средства их репрезентации, а также смоделировать их структуры. Таким образом, реализация концепта происходит в речи, в средствах языка и подлежит сознанию.

Далее нам предстоит раскрыть основную суть словосочетания «политический концепт», которое, по нашему мнению, наиболее точно характеризует концепт «цветная революция».

На сегодняшний день словосочетание «политический концепт» широко используется в научной литературе, однако оно не имеет строгой дефиниции. Попробуем дать определение данному феномену.

Выше, мы уже отметили, что концепт – ментальное образование, обладающее структурой, а «политическим» его определяет функциональная составляющая, то есть такой концепт особенно важен в качестве суггестии и борьбы за власть во всех проявлениях. Таким образом, **политический концепт** нами определен как разновидность лингвокультурологического концепта, который формируется в языковом сознании под воздействием политического дискурса. Для любого общества этот концепт чрезвычайно важен. Он апеллирует к идеологии и подвержен массовому воздействию со стороны СМИ и государственной власти. Более того, группа политических концептов способна сформировать идеологию. М.О. Гузикова, например, дает более широкое определение: политические концепты отмечены, как «единицы структуры и единицы значения», где структура выступает в роли культурного и исторического образца, присущему тому фокусу, «где идеология создается, а также типы поведения, принятые в данном социуме» [Гузикова, 2016: 29–30]. Таким образом, благодаря взаимоотношению мысли и факта внешнего мира складывается значение концепта [Taylor, 1985: 38]. Фактором жизнеспособности политического концепта является его способность объяснять тенденции и события реального мира широкому кругу лиц. При этом происходит как синхроническая, так и диахроническая перспектива интерпретации политического акцепта. Это объясняется необходимостью учета актуальных политических традиций употребления лексем, играющих роль воплощенных в знаке политических концептов.

Политические концепты, по мнению британского политического теоретика Майкла Фридена, обладают дуальной природой. Во-первых, это стремление концепта к упорядочиванию и структурированию социального мира. Во-вторых, зависимость значения политического концепта от контекста, времени и места употребления [Freedon, 1994: 142]. Следовательно, внеязыковой контекст влияет и управляет значением политического концепта.

Более того, «политический концепт не может иметь какого-то одного закрепленного значения, каждый раз, в зависимости от продуцента идеологического дискурса и обстоятельств его создания, значение концепта может меняться» [Гузикова, 2016: 31]. Следовательно, особенностью политического концепта является многозначность. Многозначность можно избежать в том случае, если политический концепт помещен в систему других понятий (где происходит уточнение и ограничение значения концепта) для формирования определенной идеологии, например.

Следует также обратить внимание на морфологию политического концепта. Исследователями выделяются два компонента такого концепта: стабильный и вариативный [там же: 33]. Стабильный («ядерный», «центральный») компонент является необходимым элементом концепта, так как в нем заключается основное концептуальное значение без которого концепт перестает существовать. Ядерный компонент является неотъемлемой частью концепта, которая, в сущности, является «артефактом идеи» [Freeden, 1996: 65], помогающим осмыслять окружающий мир. Стоит отметить, что «центральный» компонент политического концепта является идеологически нейтральным. Благодаря наличию «ядерного» компонента, политический концепт допускает включение в свое семантическое поле вариативные единицы, которые могут как соотноситься с «центральным» компонентом по логическому критерию, так и вносить уникальный культурный (национальный) или субъективный оттенок.

Майкл Фриден также отмечает, что семантическое поле политического концепта не является строгим, оно проницаемо и находится в постоянном взаимодействии с другими полями [Freeden, 1996: 72]. Следовательно, путем постоянного дополнения и ограничения, политические концепты приобретают роль «центрального концепта» (core concept), «полупериферийного концепта» (adjacent concept), «периферийного концепта» (peripheral concept) в рамках идеологической концептуальной матрицы [Freeden, 1994: 157]. Например,

ядром идеологического концепта **ЛИБЕРАЛИЗМ** будет выступать политический концепт **СВОБОДА**, в полупериферию могут войти такие политические концепты, как **ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**, **РАВЕНСТВО**, **ДЕМОКРАТИЯ**, а в периферии может локализоваться политический концепт **НАЦИОНАЛИЗМ**.

Терминосочетанию «политический концепт» присущ достаточно широкий ряд синтаксических и семантических синонимов. Так, исследователи выделяют такие сочетания:

- **«концепт политического сознания»** [Неретина, Огурцов, 2011: 6], где авторы выделяют системообразующие концепты политического сознания, как «воля», «закон», «обман», «приватность», «свобода», «страх», «язык», однако, авторы также акцентируют внимание на том, что критерии отбора политических концептов остаются на сегодняшний день неопределенными;

- **«идеологический концепт»** [Филиппова, 2007], которые включает в себя первичный идеологический концепт или концепт первого ранга (*демократия, либерализм, коммунизм, фашизм, нацизм, исламизм, расизм, феминизм, пацифизм* и т.д.), а также идеологический концепт второго ранга (*народ, свобода, равенство, толерантность, труд, борьба* и т.д.);

- **«лингвоидеологический концепт»** [Гаратынова, 2013: 82–85], который, в сущности, является вторичным идеологическим концептом по М.А.Филипповой, то есть это концепт, который не полностью охвачен идеологическим компонентом: ему присущи как идеологические ассоциации, так и не идеологические.

Таким образом, можно разграничить идеологические концепты от политических по линии ассоциативного элемента: политические концепты включают в себя как идеологически маркированные ассоциаты, так и не идеологические компоненты. Следовательно, политическим концептам присуща высокая степень прагматического потенциала, а также доминирование

ценностостной составляющей над понятийной и образной. Более того, по нашему мнению, группа политических концептов способна сформировать идеологию.

На сегодняшний день существует несколько подходов и направлений к изучению концептов, в частности политических концептов. Их многообразие определяется онтологической сложностью концепта. Сущность концепта в современной лингвистике изучается в основном в рамках взаимодополняющих лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов. В рамках данного параграфа остановимся именно на данных подходах, которые отличаются траекторией движения в экстремумах «индивидуальное сознание» и «культура». По мнению В.И. Карасика «лингвокогнитивный подход направлен от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурологический направлен от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2002: 97]. Особенности каждого из подходов выступают основополагающие методы, которыми они пользуются: лингвокогнитивной и лингвокультурологической традиции опираются дедуктивный метод, то есть концепт рассматривается как заданная априорная категория.

Лингвокогнитивный подход является наиболее разработанным на сегодняшний день. Значимыми для данного направления являются труды Н.Д.Арутюновой, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др.

Данный подход рассматривает концепт как ментальную единицу в сознании индивида, которая способна смоделировать и обобщить его познавательную деятельность. Такое ментальное образование способствует формированию языковой картины мира (концептосферы) и служит критерием ее осознания информации о мире. Таким образом, концепт служит связующим звеном между сознанием и «самосознающей способностью человека» [Белых, 2019: 40].

И.А. Стернин и З.Д. Попова трактуют концепт как «комплексную мыслительную единицу, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои» [Попова, Стернин, 2010: 27]. Авторы акцентируют внимание на том, что концепт – это чувственный образ, который при появлении в сознании человека продвигается по ступеням абстракции. Таким образом, увеличение числа признаков, которые закреплены концептом, а также приобретение им большей абстрактности развивают концепт от переменной чувств (чувственного образа) к переменной мысли (мыслительному образу). По мнению исследователей, формирование чувственного образа происходит при помощи перцептивных когнитивных (осознание действительности) и образных признаков (метафорическое осмысление) [Попова, Стернин, 2010: 106].

Именно И.А. Стерниным и З.Д. Поповой была разработана полевая модель строения концепта, которую они рассматривают не как что-то жесткое и определенное, а как структуру, которая способна изменяться и варьироваться. Концепт был структурно разграничен на ядро и периферию. Полевая модель концепта представлена в трех уровнях: «1) ядро – яркий образ; 2) базовые слои – различные концептуальные признаки; 3) интерпретационное поле, содержащее трактовки содержания ядра и концептуальных признаков и принадлежащее индивидуальному или национальному сознанию» [Попова, Стернин, 2010: 232].

На основе когнитивного подхода И.А. Стерниным и З.Д. Поповой были сформулированы последовательные этапы лингвоконцептологического описания. Частично основываясь на эти этапы, нами будет проанализирован политический концепт «цветная революция». Были выделены следующие этапы концептологического описания: «1) построение номинативного поля исследуемого концепта; 2) анализ и описание семантики языковых средств,

входящих в номинативное поле концепта; 3) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств - выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу; 4) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка; 5) описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков; 6) моделирование концепта» [Попова, Стернин, 2010: 233 - 234] . Для данного исследования особое значение имеет конструирование когнитивных классификторов, заключающих в себе когнитивные признаки концепта «цветная революция».

В рамках **лингвокультурологического подхода** «концепт получает функцию универсального культурного регулятора речевой деятельности ... Концепт как бы предзадан всем своим языковым вербализациям» [Белых, 2019: 38]. Ведущими специалистами, которые исследуют концепт с лингвокультурологических позиций являются А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, С.Х. Ляпин, Ю.С. Степанов, А.П. Бабушкин.

Концепт является единицей лингвокультуры и определяется как «сложное ментальное образование, в составе которого выделяются понятийная, образная и ценностная (оценочная) составляющие, концепт детерминирован культурой, является фактом индивидуального и коллективного сознания и опредмечен в языке» [Филиппова, 2007: 2]. Определение данное М.А. Филлиповой, в сущности, является интерпретацией дефиниции В.И. Карасика, который рассматривает концепт как ментальное образование («квант переживаемого знания») в виде «типизируемого фрагмента опыта» [Карасик, 2002: 59]. Основное направление лингвокультурологического подхода – изучение культурных концептов, выявление их сущности в коллективном сознании, определение системы ценностей, складывающейся в сознании под влиянием культуры, языка и общественного опыта носителей языка.

Следует отметить, что лингвокультурологический и лингвокогнитивный подходы к анализу концепта сближаются. Это связано с особенностями концепта, которые отмечают авторы «Краткого словаря когнитивных терминов». В словаре подчеркивается связь между концептом и картиной мира, указывается, что концепты служат «объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997: 90].

Анализ концепта «цветная революция» в данной работе строится по методике, предложенной В.И. Карасиком и другими представителями лингвокультурологического направления. Модель такого анализа выглядит следующим образом: «1) семантический анализ слов, называющих имена концептов; 2) этимологический анализ слов-репрезентантов концепта, направленный на определение мотивирующих признаков; 3) семантический анализ переносных ассоциативных значений слов, номинирующих концепты; 4) интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых реализуются слова, выражающие концепты; 5) интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом; 6) интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (пословиц, афоризмов, цитат), которые выражают определенные концепты; 7) анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию концепта; 8) анализ ассоциативных реакций информантов на вербальное обозначение концепта» [Карасик, 2009: 32].

С помощью данной методики нами были рассмотрены понятийный, образный, аксиологический слои концепта «цветная революция», определены его концептуальные признаки.

В целом, концепт является полевым образованием, которое состоит из трех базовых уровней: понятийного, образного и аксиологического. Понятийные, образные и оценочные признаки концепта отражают культурные коды этноса и исследуемой этно-территориальной и социальной группы.

В дискурсивном пространстве политический концепт является элементом, аккумулирующим и обобщающим знания, понятия, ассоциации и эмоции. Таким образом, политический концепт эксплицирует как само содержание знака, включающего признаки денотата, так и аспекты, связанные с прагматикой, эмоциями и ассоциациями. Всестороннее описать и проанализировать концепт возможно только при исследовании всех средств его выражения.

2.2. Понятийный слой концепта «цветная революция»

Как уже отмечалось, концепт имеет многослойную структуру, которая включает в себя понятийный, образный и ценностный компоненты. Иногда выделяют также индивидуально-психологическую и этнокультурную составляющие концепта [Фельде, 2009: 213]. Анализ понятийного слоя концепта «цветная революция» осуществляется на основании имеющихся дефиниций в научной литературе.

Следует отметить, что на сегодняшний день словосочетание «цветная революция» не зафиксировано ни в одном из толковых и фразеологических словарей русского языка. Рассмотрим имя исследуемого концепта – словосочетания «цветная революция» и его синонимы. Само словосочетание впервые возникло в журналистской среде как родовое наименование революций нового типа, которые произошли на территории постсоветского пространства. «Цветными» данные революции делали символы, которыми пользовались революционно-настроенные массы (красная роза, оранжевый цвет, тюльпан и т.д.). М.Э. Будина отмечает, что существует 41 наименование «цветных

революций», которые формировались по универсальной двухкомпонентной модели: слово-символ, включающий в себя цвета/оттенки, объекты растительного мира или окружающей действительности, и слово «революция» [Будина, 2015: 117]. Использование слов-символов придает такому политическому событию эмоциональную и экспрессивную окраску, а также уникальность, разграничивая теоретически схожие политические явления. Согласно «Этимологическому словарю русского языка Макса Фасмера» слово *революция* берет свое начало из латинского *revolūtiō*, что является производным от латинского *revolvere, revolutum* – «возвращаться назад». Таким образом, первоначально революция обозначала возвращение звезды (или другого небесного тела) в точку, из которой она ушла. В дальнейшем термин утратил свое первоначальное значение и, благодаря Монтеスキё, приобрел политический оттенок: революцией стали именовать насильственный переворот, коренным образом изменяющий социально-экономическую структуру общества и общественный строй.

Однако следует также отметить, что термин *революция* в словосочетании *цветная революция* не используется в трактовке, указанной в словарях и проиллюстрированной нами выше. *Революция* рассматривается как политическое явление XXI века, для которого основная цель – не коренная смена политического строя/ режима и элит, а изменение правящего режима. М.Э. Будина отмечает, что целесообразнее было бы именовать «цветную революцию» не *революцией*, а *переворотом*, который является средним звеном в синонимическом ряду между *путчем* и *революцией* [Будина, 2015: 114]. Однако с политологической точки зрения, термин *революция* придает большей значимости такому политическому событию.

М.Э. Будина также отмечает, что слово-символ в гипонимах словосочетания «цветная революция» лишь в 19,5% именовании отражает непосредственно цвет, гораздо чаще слово-символ является предметом

окружающего мира. Однако именно элемент «цвета», используемый как символ в именовании цветных революций, способствовал успешному «закреплению данных именовании в речи и системе языка, что послужило определяющим фактором при выборе слова-символа для обобщённого названия подобных революций» [Будина, 2015: 118].

Отсутствие данного словосочетания в словарях не говорит нам о том, что концепт «цветная революция» отсутствует в языковой картине мира россиян. В национальном корпусе русского языка (НКР) имеется 157 примеров использования гиперонима «цветная революция» и его гипонимов (оранжевая революция и революция роз). Поисковая система Yandex на запрос «цветная революция» дает 7000 результатов (данные 15 июня 2020), а система Google выдает около 700 000 результатов (данные 15 июня 2020), что свидетельствует об актуальности концепта «цветная революция» в языковой картине мира россиян. Обратимся к наиболее известным определениям «цветной революции» в трудах экспертов в области изучения революции и выделим концептуальные признаки данного понятия.

Обратимся к определению С.А. Маркова, политолога, который толкует цветные революции как «новый тип политических технологий по смене власти» [Марков, 2005]. Цветная революция в данном случае понимается широко, как средство (технология) смены политической власти, как некий инструмент политической действительности, которые позволяет свергнуть одну власть и провозгласить другую. Таким образом, данное определение отвечает на два вопроса *что это?* (технология) и *зачем это?* (для смены власти).

Схожим к предыдущему определению является дефиниция, поддерживаемая Д. Лафлэндом, британским журналистом и политологом, отечественными политологами А.Э. Гапичем и Д.А. Лушниковым, а также профессором Калифорнийского университета Д. Голдстоуном. «Цветная революция» ими определена, как «система методов свержения

государственной власти, результат иностранного вмешательства во внутреннюю политику государства, с целью дестабилизации политического пространства и совершения государственного переворота» [Иглин, 2016: 132–133]. Данное толкование подчеркивает три важнейших признака цветной революции: во-первых, это, как уже отмечалось в предыдущем определении, система методов, технологий для смены власти; во-вторых, отмечается то, что данный тип революции осуществляется при помощи внешних игроков, которые, в-третьих, являются наиболее заинтересованными в том, чтобы осуществить государственный переворот. Таким образом, в данном случае определение отвечает уже на три вопроса *что это?* (система методов), *зачем это?* (свержение государственной власти) и *кто является триггером?* (иностранное государство).

В определении С.Г. Кара-Мурзы «цветные революции» представлены, как «революции, не просто приводящие к **смене властной верхушки** государства и его геополитической ориентации, а и принципиально **меняющие основание легитимности всей государственности страны**. Более того, меняется даже местонахождение *источника легитимности*, он перемещается с территории данного государства в *метрополию*, в ядро мировой системы капитализма. Такое глубокое изменение государственности имеет цивилизационное измерение» [Кара-Мурза, 2005: 17]. Таким образом, С.Г. Кара-Мурза отходит от понятия технологии, фокусируя внимание на том, к чему приводят такие революции. Данное толкование наиболее близко к определению революции вообще, как коренного переворота в государстве.

Цветная революция как «**проявление протестных настроений** населения, вызванных внутривнутриполитическими и социально-экономическими проблемами и противоречиями» рассматривается в трудах А.М. Васильева, В.Я. Гельмана, И.Д.Звягельской, Б.Ю. Кагарлицкого, Г. Курта, В.Д. Соловей и др. [Новодержкин, 2017: 47]. Таким образом, акцентируется внимание на то, что

цветная революция является **инструментом проявления протестных настроений**, а также указываются причины возникновения цветных революций, на то, что они, цветные революции, являются результатом внутренней нестабильности внутри государства. Главный вопрос, на который отвечает данное определение – *почему возникают цветные революции?*

В. Банс дает отличное от других определение. Он толкует цветную революцию как «непосредственный **результат демократизации** политической системы авторитарного государства», которая ведет к позитивным последствиям [Банс, 2006]. В данной дефиниции цветная революция представляется как нечто, что является естественным положительным результатом преобразований внутри государства.

В работе «A Matrix for Post-Soviet ‘Color Revolutions’: Exorcising the Devil from the Details» П.К. Баев толкует цветную революцию, как “a mass protest or an unarmed uprising aimed at replacing, through elections, the sitting government that represents a semi/quasi-democratic regime” (*пер.* **массовый протест** или **невооруженное восстание**, целью которого является посредством выборов **сменить действующее полу/ квазидемократическое правительства**) [Baev, 2011: 5]. Данное определение подчеркивает ряд важнейших признаков цветной революции, которые ее отличают от революции, как таковой: 1) дефиниция подчеркивает политическую природу таких революций, которые не направлены на реорганизацию общества или перераспределение собственности; 2) цветные революция носят ненасильственный характер и 3) они тесно связаны с выборами.

Следует также обратить внимание на определение Г.Г. Почепцова, который под цветной революцией понимает «**процесс смены правящих режимов** под давлением **массовых уличных акций протеста** и **при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций**» [Почепцов, 2005: 11]. Таким образом анализ дефиниции, предложенной Г.Г.

Почепцовым, позволяет выделить ряд концептуальных признаков: ПРОЦЕСС и ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ.

Исследователи цветных революций акцентируют внимание также и на определении М.П.Остроменского, который дает следующую дефиницию: «**“Цветная” революция** – государственный **переворот**, осуществлённый, с преимущественным использованием **методов НПБ** [ненасильственной политической борьбы], силами "цветного" движения. Очень часто "цветная" революция **осуществляется в интересах и при непосредственном доминирующем участии** в планировании, организации и **финансировании** со стороны **иностранного государства**, группы иностранных государств, общественной или коммерческой организаций. Интересы иностранных инвесторов ни в коей мере не нивелируют наличия мощных внутригосударственных факторов и причин революции, без которых она не возможна» [Остроменский, 2011]. М.П. Остроменский, аналогично предыдущим трактовкам «цветной революции», выделяет такие признаки, как ПЕРЕВОРОТ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ, осуществляемое в интересах и финансировании иностранных акторов; автор также подчеркивает ненасильственность такой революции.

В определении Е.Г. Пономаревой и Г.А. Рудова цветные революции трактуются, как «**модернизированные технологии психоисторической войны Запада** за мировое господство» [Пономарева, Рудов, 2012: 37]. В одной из своих работ Е.Г. Пономарева также определяет, что цветная революция есть «симулякр революции» [Пономарева, 2012: 88]. Два этих определения связаны между собой, так как под воздействием «*модернизированных технологий психоисторической войны*» создается псевдовещь (цветная революция), заменяющая реальность. В целом, авторами данных дефиниций цветная революция также рассматривается как **МОДЕРНИЗИРОВАННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ**, акцентируется внимание на внешних агрессорах и их целях.

Рассмотрение вышеизложенных толкований позволило нам выделить следующие концептуальные признаки, образующие понятийный слой концепта «цветная революция»:

1. **«Технология» или «система методов», направленная на смену государственной власти.** Цветная революция воспринимается, как некий инструмент, который используется для проявления протестных настроений и при правильном использовании, приводит к определенному результату. Таким образом, цветные революции приобретают в своем определении оттенок физического явления с инструкцией по применению, четкими правилами и принципам применения.

2. **«Ненасильственность» (ненасильственные меры).** Данный признак нередко представлен в определениях, как зарубежных, так и российских исследователей. Отличительной особенностью цветной революции является сниженная к нулю «насильственная» составляющая. В отличие от традиционной революции, где средства оправдывают результат, цветные революции стремятся изменить власть ненасильственными средствами.

3. **«Процесс».** Данный признак также, как и предыдущий, является ядерным в определении понятия цветной революции. Данный признак свидетельствует о том, что данный концепт относится к концептам-сценариям, у которых есть мотив действия, само действия, кульминация, его завершение и т.д. Несмотря на то, что цветные революции отличаются от революций в их традиционном понимании, слово «революция» играет важнейшую роль в определении данного феномена. Революция в отечественных словарях отмечается как *борьба, коренное преобразование*, то есть некоторое изменение в устройстве и функционировании общества. Словосочетание «цветная революция» одним из ядерных признаков провозглашает «процесс», процесс смены власти. Таким образом, данное явление воспринимается, как динамическое, меняющееся в пространстве и времени.

4. «Событие» политической жизни, инициируемое кем-либо часто извне. Цветная революция воспринимается как определенное событие. Правильнее будет сказать, что цветная революция воспринимается, как объединяющее событие в череде событий. Данный компонент в общем отсылает нас к таким общеизвестным цветным революциям, как «Оранжевая революция», «Революция роз» и т.д. Более того, такое событие инициируется, управляется и финансируется из-за рубежа, преимущественно странами первого мира.

5. «Результат демократизации». Данный компонент ярко проявляется в современных определениях «цветной революции». Исследователи акцентируют внимание на то, что цветная революция есть результат демократизации, есть естественный этап на пути от авторитарного правления к подлинной демократии.

6. «Проявление протестных настроений». Данный признак актуализируется в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей, которые рассматривают цветную революцию, как реакцию на социально-экономические проблемы внутри государства, где массовый протест вытесняет как в роли самой революции, так в роли ее инструмента.

Итак, в понятийном слое концепта «цветная революция» выявлены 6 базовых признаков: «технология» или «система методов», направленная на смену государственной власти; «ненасильственность» (ненасильственные меры); «процесс»; «событие» политической жизни, инициируемое кем-либо часто извне; «результат демократизации»; «проявление протестных настроений».

2.3. Образный и аксиологический слои концепта «цветная революция»

Образный слой концепта «цветная революция» ярче всего проявляется в тропах: метафорах, компоративах, олицетворениях и эпитетах. Использование метафор, по мнению А.П. Чудинова – это удачный способ «выразить многое, сказав немного» [Будаев, Чудинов, 2008: 5]. Более того, А.П. Чудинов выделяет обобщенную классификация метафорических моделей, разделяя их на четыре группы: антропоморфные метафоры, природоморфные метафоры, социоморфные метафоры и артефактные метафры. В работе В.Н. Телии «Метафоризация и ее роль в сознании языковой картины мира» указывается, что сознание человека априори антропоморфно, то есть оно конструирует действительность по своему подобию [Телия, 1988: 175]. Таким образом, «непредметная действительность», абстрактные понятия мыслятся как «опредмеченные» константы, «обладающие антропоморфными, зооморфными и т. п. качественными, динамическими и ценностными свойствами».

Анализ контекстов употребления словосочетания «цветная революция» показал, что оно часто используется в метафорическом смысле. Более того, само словосочетание «цветная революция» представляет собою колорастическую метафору. Нами были выделены различные модели метафорического переноса.

Для рассмотрения образного слоя понятия «цветная революция» нами были отобраны наиболее яркие примеры употребления словосочетания в Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

В ходе исследования текстов, вербализующих концепт «цветная революция», выявлены антропоцентрические, природоцентрические и социоцентрические метафоры разных видов, а также установлены различные субсферы.

1. Субсфера «Человек»

Антропоморфные метафоры в основе своей переключают привычные человеческие принципы на политическое явление, которое приобретает «человеческое лицо» и становится более понятным рядовым гражданам. Рассмотрим данную метафорическую группу на примере концепта «цветная революция» и его гипонимов, таких как «оранжевая революция», «революция роз» и т.д. Следует отметить, что в большом количестве примеров употребления словосочетания «цветная революция» *персонифицируется*, то есть приобретает характеристики, присущие человеку.

1.1. Физиологическая метафора

В следующем примере ненасильственная революция представляется как антропоцентрическое явление. Слово *зачать* означает прежде всего «дать начало жизни кому-либо», то есть применяется в отношении живых существ, и, как видно из нижепредставленного фрагмента, автор использует данное слово в отношении революции. Таким образом, «цветные революции» образно представляются как явления человекометрические. В данном примере образность строится по метафорической модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ПЛОД/ ДИТЯ:

Весть о том, что Татьяну Лазареву и Михаила Шаца то ли уволили с канала СТС, то ли не продлили им контракт, застала меня в Киеве, где, к слову, и была зачата «оранжевая» революция, и это «к слову» я употребил не случайно, потому что речь пойдет про то, как люди примеряют на себя тогу борца за свободу и за права других людей (Отар Кунашвили. Павел Воля стал популярнее всех нас: меня, Лазаревой и Шаца! // Комсомольская правда, 2013.02.06).

Метафоризация понятия «цветная революция» строится также по модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – СЛАБОЕ ДИТЯ, где цветные революции представляются как слабые и нежизнеспособные. В «Большом толковом

словаре» по ред. С.А. Кузнецова слово *зачахнуть* означает «стать хилым, болезненным, бессильным» [Большой толковый словарь русского языка, 2000: 356], следовательно, проецируется образ болезненного, слабого дитя в колыбели:

«Глобальная “война с террором” пробудила чудовище исламизма в Турции, Пакистане, Ливане, Газе и Ираке. Так называемые «цветные революции» зачали в колыбели» (Америка устала от американцев – ей нужен Путин // Новый регион 2, 2008.01.10)

По вышеуказанной метафорологической модели построены и многие другие примеры. Например,

«Оранжевая» революция, поднатужившись, родила на свет свое очередное дитя (На Украине прикусили язык. Русский // Комсомольская правда, 2005.03.21).

Однако в данном примере наблюдается переход к несколько иной модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – РОЖЕНИЦА. Таким образом, цветные революции предстают как объект, который порождает новые явления, развитие которых предугадать невозможно так же, как и развитие или будущее младенца.

Из следующего примера вытекает, что «цветные революции» наделяются присущими человеку моделями поведения: ненасильственная революция представлена как предатель, который вероломно отдает *страну в объятия худшей демагогии*. Таким образом, метафоризация происходит по модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ПРЕДАТЕЛЬ:

Оранжевая революция бросила страну в объятия худшей демагогии ... (Смогут ли Россия и Украина построить новый СССР? Окончание // Комсомольская правда, 2011.09.09).

Следует обратить внимание также и на следующий пример:

Обаяние «цветных революций» на Украине и в Грузии померкло в силу внутренних событий в этих государствах ...» (Внешняя политика России за последние восемь лет // РИА Новости, 2008.02.28).

Несмотря на то, что слово **обаяние** в Большом толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова толкуется, как «притягательная сила, исходящая от **кого-, чего-л**» [Большой толковый словарь русского языка, 2000: 661], то есть данная сила не обязательно исходит от человека, тем не менее перцепция данного понятия исходит преимущественно из антропоцентрической парадигмы, где обаянием обладать может прежде всего человек. Таким образом, «цветная революция» представляется как явление, относящееся к чему-то человеческому, то есть к чему-то, что может восприниматься и развиваться по человеческому подобию. В данном примере актуализируется метафорическая модель ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ОБАЯТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

1.2. Морбиальная метафора

В анализируемых текстах также встречаются метафорические модели болезни, наркологические /алкогольные метафоры. Цветная революция осмысливается как *застолье*, участники которого находятся на стадии заболевания, то есть цветная революция *опьяняет, одурманивает, ломает* общество. Следовательно, явление «цветная революция» оценивается как негативное, метафора болезни создает отрицательно оцениваемые образ действительности. В целом, метафоризация строится по модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – БОЛЕЗНЬ:

«... мне уже приходилось писать о том, что "оранжевая революция" похожа на буйное застолье и даже лозунги – "За свободу", "За вхождение в Европу" – напоминают тосты; выход из запоя вообще очень труден, надо взять себя в руки и начать что-нибудь делать, но украинское общество не готово к подобной ломке. Ему нужна новая доза – Опьянение становится

перманентным, безвыходным, самоцельным – ...» (Кризис как среда // Известия, 2006.07.19).

Данный когнитивный признак акцентирует внимание на том, что цветные революции могут вводить в дурманящее состояние, выход из которого *очень труден*.

В другом примере используется термин *кризис*, который также может отсылать к метафоре болезни:

«Без сомнения, несмотря на кризис цветных революций на постсоветском пространстве, у нас есть предпосылки для «оранжевой революции» (Запрет митингов: какой «оранжевой революции» боятся в России? // Новый регион 2, 2007.01.19).

Таким образом, кризис осмысляется как «переломный момент в ходе болезни, ведущий к улучшению или ухудшению состояния больного».

“Оранжевая революция станет эпидемией свободы по всему миру!” – взывала Тимошенко, и новый народ выл от восторга.

В данном примере через образ *эпидемии свободы* эксплицируется положительный образ цветной революции, которая должна быстро и широко распространяться по всему миру, заражать людей по всему миру. Однако реплика *«народ выл от восторга»* подчеркивает отрицательное отношение автора к явлению «цветная революция».

Вышеперечисленные примеры позволяют нам заключить, что цветная революция представляется в метафорических моделях болезни, ассоциируемых с явлением скорее негативным.

2. Субсфера «Природа»

Отличительной особенностью образного слоя понятия «цветная революция» составляют природоморфные метафоры, которые широко представлены в политическом дискурсе. Природоморфные метафоры моделируют политическую реальность, обращаясь к живой и неживой природе.

2.1. Стихийная природоморфная метафора

Образ цветных революций в данном типе метафоризации строится по модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ПРИРОДНАЯ СТИХИЯ. Например,

В украинском футболе продолжает бушевать «оранжевая» революция...» (Ярослав КОРОБАТОВ. Блохину показали оранжевую карточку // Комсомольская правда, 2005.03.04). В «Большом толковом словаре» слово *бушевать* означает «протекать бурно, стремительно, с разрушительной силой; неистовствовать (о природных стихиях и т.п.)» [Большой толковый словарь русского языка, 2000: 106].

"Цветные революции", полыхнувшие по периметру наших границ, насторожили многих российских политиков и политологов». (МЕНЕДЖЕРЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ // Труд-7, 2005.06.04);

... заставляют ведущие мировые издания «идти на опережение» и составлять свои рейтинги стран, в которых в ближайшее время может вспыхнуть “цветная революция” (Александра ЛЯБИНА. Египет, Тунис, Ливия... кто следующий? Уж точно не Молдова! // Комсомольская правда, 2011.03.01);

В других точках Евразии народы жаждут получить надежду, которую зажгли “цветные революции” 2003– 2005 годов (Е. М. Примаков. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость (2009);

... навести мировой порядок по американским стандартам можно, беспрерывно разжигая «цветные» революции то здесь, то там (Алексей ОСИПОВ. Новая тактика США в России - ставка на националистов // Комсомольская правда, 2013.08.12);

На этом примере видно, насколько опасно разжигать «цветные» революции в арабских странах» (ОНИЩЕНКО Варвара. Египет: «Братья-мусульмане» готовятся к реваншу // Комсомольская правда, 2013.07.29).

В данных примере авторами текста используется термины *полыхнувшие, вспыхнуть, зажгли, разжигая, разжигать*. Таким образом, «цветные революции» связываются со стихией огня, как полыхающее пламя, угрожающее территории России. Дается негативная оценка анализируемому явлению.

В следующем примере авторами применяется слово *грянула* («внезапно с силой раздаться; загреметь, загрохотать» [Большой толковый словарь русского языка, 2000: 233]) для описания внезапности появления цветной революции на территории Украины. Таким образом, цветная революция связывается с звуковым природным явлением и указывает на внезапность, неожиданность политического события:

*Когда Верховная Рада документы на обмен подписала, **грянула «оранжевая революция*** (В Донецкой области приграничное село попросилось в состав России // Новый регион 2, 2010.03.26).

Большое количество примеров использования термина «цветная революция» конструируются по образу, связанному со стихией воды. Для поддержания образа силы ненасильственных революций, авторами используются слово *захлестнула* («обдать, окатить с силой, залить» [Большой толковый словарь русского языка, 2000: 355]), что также поддерживает природоморфность политической метафоры:

... когда после переизбрания на пост президента М. Ахмадинежада Иран едва не захлестнула “оранжевая революция”, вызванная сомнениями в законности признания его победителем» (Иранский сюрприз // Известия, 2013.06.16);

«Цветные» революции еще не сданы в архив. Волна пошла дальше и докатилась до самых отдаленных уголков Евразии (Дмитрий СТЕШИН. Бунт потомков Чингисхана // Комсомольская правда, 2008.07.25).

2.2. Фитоморфная метафора

Образ «цветных революций» также представлен в метафорической моделях, связанных с миром растений. Например, один из примеров был сформулирован по модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – КРОВАВОЕ РАСТЕНИЕ:

... начинавшаяся в Египте и Тунисе как классическая цветная революция – революция европейского образца, вдруг расцвела кровавыми цветами (Орхан Джемаль. Хунта по-ливийски // Известия, 2014.06.04).

Данная модель подчеркивает символическую роль мира растений, которые проходят этап роста или развития и приносят плоды. В данном примере внимание сконцентрировано на результативности такого политического явления как «цветная революция». Несмотря на то, что фитоморфные метафоры преимущественно несут положительную оценку, в данном примере под *расцвела кровавыми цветами* подчеркивается негативная оценка анализируемого явления, то есть «цветная революция» осмысливается как явление, которое сопровождается кровопролитием или связано с кровопролитием, что не может трактоваться как положительный факт.

Следует отметить, что метафоры неживой природы, исходя из анализа имеющегося материала, содержат отрицательную оценку, участвуя в построении негативной картины действительности.

3. Субсфера «Социум»

Следующим источником политической метафоры выступает социоморфная метафора, которая конструирует реальность по образу и подобию социальной картины мира. Таким образом, образный слой включает такие понятийные сферы-источники, как спорт, театр, криминал, образование, война и др.

2.1. Театральная метафора

Из нижепредставленных примеров вытекает, что образ «цветной революции» строится по модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – СПЕКТАКЛЬ. Подчеркивается театрализованность данного явления, роль режиссеров в их организации, зрелищность, подготовка (*репетиция*):

А сама "революция роз" была тщательно срежиссированным спектаклем» ('Революцию роз' устроил Шеварднадзе? // Известия, 2010.05.26);

Тем более что репетиции – «цветные» революции в странах СНГ – пока проходят удачно (Американцы начинают экспорт демократии в Россию? // Комсомольская правда, 2005.07.07);

“Цветные” революции экспортируются из-за рубежа, сценарии таких переворотов тщательно отточены западными технологами (Виктор БАРАНЕЦ. Николай Патрушев: «Оранжевая» революция в России не пройдет // Комсомольская правда, 2012.12.18);

Впервые в истории разворачивается «цветная революция» нового типа – антиконституционный и антидемократический мятеж под лозунгами десоверенизации государства. Абсурда и дикости ситуации добавляет тот факт, что очаг этого «колониального бунта» [Оранжевой революции], срежиссированного заграничными кукловодами, находится на киевском майдане – площади Независимости (Сергей Подосенов. Депутат Журавлев едет в Крым поддержать русских националистов // Известия, 2014.02.03);

Тогда готовится другой сценарий – «цветная революция 2.0». А именно сирийский вариант. В чем его смысл? (Александр МИЛКУС. Бирюлевский бунт подняли 15 наемных бойцов. Часть 1 // Комсомольская правда, 2013.10.31);

«Тем более что всех нас постоянно сбивают с толку кашевары информационной войны против режима Асада. Что же на самом деле происходит в далекой стране – восстание народа против диктатора или очередная цветная революция с известными кукловодами?» (Виктор

БАРАНЕЦ. Генерал-полковник Леонид Ивашов: «Американцы не борются с «Аль-Каидой». Они запускают войну внутри исламского мира» // Комсомольская правда, 2012.08.21);

ВЕРСИЯ N 5: ГОТОВИТСЯ ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – Я думаю, что такой "революционный" сценарий существует (Карпов Вадим спец. корр. 'Труда'. КТО ВЗРЫВАЕТ ИНГУШЕТИЮ? // Труд-7, 2007.09.27).

Данная метафорическая модель обладает большим прагматическим потенциалом, проецируя образы иллюзорности, искусственности, неискренности, имитации реальности: цветная революция формируется в сознании как явление негативное и ирреальное, *срежиссированное кукловодами*.

2.2. Спортивная и игровая метафоры

Метафорическая модель ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ИГРА актуализирована в контексте:

Если главной целью Запада было насолить России, то затея удалась, но если Запад действительно вслед за Троцким поверил в благодать революционного экспорта, то тогда провал американской политики, а заодно политики ОБСЕ и ЕС, которые так же активно играли в “цветные революции”, очевиден (Год 2005-й. Итоги // РИА Новости, 2005.12.26).

Данная модель, так же как и предыдущая, содержит негативный коннотат, так как игра подразумевает наличие некоторых правил-законов, за которыми скрываются истинные чувства и намерения. Таким образом, цветная революция осмысляется как плохая игра, в которой истинные мотивы и цели ее участников эксплицитно не выражены.

2.3. Криминальная метафора

Образ цветных революций в некоторых примерах основан на так называемой «криминальной метафоре», которая символизирует преступный мир. По мнению А.П. Чудинова, такого рода метафоры содержат в себе особый концептуальный вектор, включающий такие компоненты, как тревожность,

опасность, агрессивность, противоестественность существующего положения дел, острое противопоставление «своих» и «чужих». Большинство примеров построены по модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – КРИМИНАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ:

Есть и такое мнение: «"цветные" революции – просто разборки внутри правящих кланов (Строганов Юрий. НЕ ТА ОРИЕНТАЦИЯ // Труд-7, 2005.06.30);

И его задачей станет в очередной раз объяснять Москве: был сговор, была «цветная революция», и все это, естественно, готовила Европа... (Матвей Свичеревский. На инаугурацию Лукашенко никто не приедет // Новый регион 2, 2011.01.20);

«Цветные революции» последних лет привели, выражаясь словами великого Бисмарка, немало проходимцев к власти». Однако, пожалуй, самым успешным среди них оказался Михаил Саакашвили. Или, как теперь его называют в аналитических кругах, «Лаврентий Виссарионович». (Племянник полковника ГРУ и «наследник» Сталина обманул самого себя? // Новый регион 2, 2007.12.03);

Так что наша "цветная революция" не подпадает ни под какие уже известные шаблоны. Наверное, потому что это была "революция предателей", а не патриотов и демократов – такая современная политическая "власовщина". Мне, откровенно говоря, стыдно за такую оппозицию» (Воронин: Молдавия идет по пути партнерства с Россией и интеграции с ЕС // РИА Новости, 2009.06.20).

Итак, образный слой концепта «цветная революция» формируется на основе представлений об «угрозе», «опасности», «вреда», что выражается в контекстах с отрицательной коннотацией.

2.4. Милитаристская метафора

Частотными оказались метафорические модели, которые основаны на военной терминологии – милитаристские метафоры:

*Конечно, США ждут от тех, кого они ведут к власти, полной лояльности. Но что в реальности будет твориться в стране, где **победила очередная «цветная» революция, не знает никто*** (Алексей ОСИПОВ. Новая тактика США в России - ставка на националистов // Комсомольская правда, 2013.08.12);

*Впервые в истории **разворачивается «цветная революция»** нового типа – антиконституционный и антидемократический **мятеж** под лозунгами десуверенизации государства <...> На смену оранжевому цвету «либеральной вольницы» приходит коричневый – цвет разбойной фашизации, **цвет оккупации, цвет национального предательства*** (Сергей Подосенов. Депутат Журавлев едет в Крым поддержать русских националистов // Известия, 2014.02.03);

*«Да и само словосочетание **цветная революция** отдает детством, ведь это действие **предполагает свержение лидера** без наличия программы последующих действий. Не думайте о будущем – за вас об этом подумает Вашингтон»* (Тьерри МЕЙСАН, французский публицист. Бунтари на поводке // Комсомольская правда, 2012.08.07);

*Большую угрозу представляют попытки **развернуть на подступах к нашей стране и внутри ее всякого рода цветные революции, враждебные информационные, кибернетические и другие подрывные действия*** (Виктор БАРАНЕЦ. О чем говорил на съезде Добровольческого движения ОНФ генерал армии Махмуд Гареев? // Комсомольская правда, 2012.04.05).

***Цветные революции** прекрасно показали, что период выборов **может использоваться для государственного переворота. Угрожает ли России «оранжевая революция»?**» (Запрет митингов: какой «оранжевой революции»*

бояться в России? // Новый регион 2, 2007.01.19); *Впервые в истории разворачивается «цветная революция» нового типа – антиконституционный и антидемократический мятеж под лозунгами десоверенизации государства. Абсурда и дикости ситуации добавляет тот факт, что очаг этого «колониального бунта», срежиссированного заграничными кукловодами, находится на киевском майдане – площади Независимости. На смену оранжевому цвету «либеральной вольницы» приходит коричневый – цвет разбойной фашизации, цвет оккупации, цвет национального предательства»* (Сергей Подосенов. Депутат Журавлев едет в Крым поддержать русских националистов // Известия, 2014.02.03); *Местная «цветная» революция была, на самом деле, клановым бунтом, а ее победителей нельзя однозначно назвать «пророссийскими» или «прозападными» политиками* (Киргизия: все еще только начинается // РИА Новости, 2005.07.12);

... несмотря на громкие заявления противников Михаила Саакашвили, Грузии не грозит новая «цветная революция» с последующей сменой лидера страны (Михаил Саакашвили уничтожит грузинскую оппозицию // Новый регион 2, 2008.01.16).

Так что наша "цветная революция" не подпадает ни под какие уже известные шаблоны. Наверное, потому что это была "революция предателей", а не патриотов и демократов— такая современная политическая "власовщина". Мне, откровенно говоря, стыдно за такую оппозицию» (Воронин: Молдавия идет по пути партнерства с Россией и интеграции с ЕС // РИА Новости, 2009.06.20).

Таким образом, имплицитно-ассоциативный ряд «война – разрушение – боль – смерть – горе» свидетельствует о том, что негативный коннотат является частью значения метафор данной модели.

2.4. Комическая метафора

Среди социомофных метафор встречаются и те, которые строятся по модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – АНЕКДОТ:

“Оранжевая революция” – это уже анекдот”, – утверждают сторонники Виктора Януковича. «Весь мир смеется над Россией, а не над Украиной», – говорят в ответ революционеры (Итоговый выпуск (вечерний) – 22.11.05 18:40 – Екатеринбург // Новый регион 2, 2005.11.23).

Данная модель по своему семантическому наполнению близка к театральной метафоре, так как анекдот есть также своего рода «имитация реальности», нарратив, высмеивающие кого-либо или что-либо. Таким образом, конструируется негативная оценка, высмеивающая *оранжевую революцию*, подчеркивающая ее несерьезность и нелепость.

4. Субсфера «Артефакты»

В рассматриваемых нами текстах частотными метафорическими моделями также оказались так называемые «артефактные метафоры». Артефактные или предметные или вещественные аналогии также позволяют человеку формировать и моделировать различные сферы деятельности человека, политической, в частности. Обращаясь к предметной или артефактной области, человек стремится проецировать наивную картину мира, которая отражает знакомые всем образы.

4.1. Артефактные метафоры

Формирование образа цветной революции базируется на модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ:

Для нашего сближения есть серьезный мотив— Китай!» - «Цветные» революции еще не сданы в архив (Дмитрий СТЕШИН. Бунт потомков Чингисхана // Комсомольская правда, 2008.07.25).

Таким образом, подчеркивается актуальность данного явления, подчеркивается их значимость в общественно-политических реалиях.

Метафорическое моделирование строится также и по форме ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ПРОДУКТ/ ТОВАР:

...*“оранжевая революция” – продукт медиа-манипуляций, а проблему русского языка придумали политики* (Итоговый выпуск (вечерний) – 19.09.05 18:05 – Челябинск // Новый регион 2, 2005.09.20);

“Цветные” революции экспортируются из-за рубежа, сценарии таких переворотов тщательно отточены западными технологами (Виктор БАРАНЕЦ. Николай Патрушев: «Оранжевая» революция в России не пройдет // Комсомольская правда, 2012.12.18).

В современном русском языке слово *экспортировать* означает «вывозить за границу (сырье, товары, капиталы, технологии)» [Большой толковый словарь русского языка, 2000: 1517], что позволяет нам использовать данный пример в качестве поддержки вышеупомянутой формулы. Более того, встречаются и примеры в которых «цветные революции» представляются как представление вкусов и взглядов, господствующих в общественной жизни, проявляющиеся в одежде:

Уже очевидно, что цветные революции явно входят в моду. (Вячеслав Никонов, президент фонда «Политика»: Цветные революции теперь замарают Европу? // Комсомольская правда, 2006.09.28).

Метафоризация также встречается в модели ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – СЛЕПОК:

А «оранжевая революция» – это слепок с шахтерских бунтов конца восьмидесятых годов прошлого века, умело направлявшихся тогдашней партноменклатурой. Советским партийным вождям, говорит Иоффе, как и сейчас «оранжевым» лидерам, очень хотелось поскорее получить карт-бланш для легального обогащения (Республиканец Юлий Иоффе: Украина должна лишиться царя // Новый регион 2, 2005.10.12).

Артефактные метафоры являются важнейшим элементом формирования политической картины мира, так как являются наиболее понятными для восприятия аудиторией. Представление цветных революций как объектов действительности (*продукт, одежда, архивный документ, слепок*) наиболее просто конструирует основные характеристики политического явления. Например, артефакт а) есть творение кого-либо, чего-либо, б) способен перемещаться с помощью кого-либо, чего-либо, в) имеет свойство устаревать, портиться, приходить в негодность и т.д. Обыденное сознание легко пристраивает такие параллельно и формирует как образ, так и оценку по отношению к «цветным революциям».

4.2. Метафора механизма

Образ цветных революций также моделируются по форме ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – МЕХАНИЗМ/ ИНСТРУМЕНТ. В нашем примере ненасильственные революции предстают в образе инструмента, с помощью которого накапливается капитал:

Не стоит думать, будто Борис Абрамович поддерживает руководство этой страны исключительно из благородных убеждений и веры в демократию. "Оранжевая революция" для него тоже элемент бизнеса. Кредо Березовского: политика – как механизм делания денег. Но вот действия этого механизма раздавили и изуродовали судьбы многих людей ('Чтобы остаться в Англии, Березовский придумал покушение на самого себя' // Известия, 2006.03.06).

В другом примере также подчеркивается инструментальный образ революций (*работать* – «находиться в действии, выполнять своё назначение; функционировать»):

Побудить их сделать это коалиция тоже не в силах: у нее нет идеологии. Кроме того, без внешней поддержки «цветные» революции не работают, а Кремль на этот раз Януковича не поддержал. (ВИКТОР ЯДУХА. На оранжевых конях // РБК Daily, 2007.04.06);

«Словом, нужно сохранить лишь ФОРМУ государству, но не его суть. Инструмент разрушения – «цветные» революции, где нет никакого стихийного брожения народных масс, а есть четкий, разработанный до деталей план» (Дарья АСЛАМОВА, Фото автора, АП и РЕЙТЕР.. Новый тип революций и революционеров // Комсомольская правда, 2012.04.10);

Механическая метафора также является основой политического дискурса. Рассмотрение «цветной революции» как механизма формирует особое отношение к ним: цветная революция представляется как инструмент в руках политического актора, который способен его использовать в целях разрушения или получения материальных выгод.

4.3. Символическая метафора

Цветные революции также представляются в роли условного знака идеи демократии (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – СИМВОЛ):

Итог закономерен. "Цветные революции" стали своеобразным символом "площадной" демократии, насаждаемой западными "цветоводами" в странах молодых демократий, не окрепших экономически и политически (Орлова Светлана заместитель председателя Совета Федерации. ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ МАЙДАНА // Труд-7, 2005.12.14).

Аксиологический слой концепта «цветная революция» эксплицируется не только оценочными метафорами, но и оценочными эпитетами. Выделяются следующие категории оценок (категории оценок были заимствованы из классификаций, разработанных Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988: 75-76] и Т.И. Вендиной [Вендина, 1998: 20–21]):

Оценки-когнитивы:

Интеллектуальная и рационалистическая оценка. Первая содержится в контекстах, в которых дается субъективно-ориентированная характеристика интеллектуального уровня (например, *профессиональная, идиотская*); вторая – в контекстах, в которых отражается физическая или психологическая польза

цветной революции, ее направленность на достижение определенной цели (польза отражена в эпитете *деструктивная*).

*«Именно Бульдозерная революция 2000 года в Югославии (Сербии) стала первой **ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ** революцией, в которой все прошло без сучка без задоринки. «Что такое «цветные» революции, недавняя «арабская весна», к примеру?» (Дарья АСЛАМОВА, Фото автора, АП и РЕЙТЕР. Новый тип революций и революционеров // Комсомольская правда, 2012.04.10);*

*«Но самой **идиотской** и **деструктивной** акцией американской дипломатии за последние семь лет стала «**оранжевая революция**» на Украине – ведь именно она убедила Путина, что Западу нельзя верить никогда и ни в чем, ни при каких обстоятельствах». (Америка устала от американцев – ей нужен Путин // Новый регион 2, 2008.01.10).*

Нормативная оценка преимущественно формируется в рамках модели *правильно-неправильно* и представлена в словах *разбойная, антиконституционная, антидемократическая*.

*Впервые в истории разворачивается «**цветная революция**» нового типа (...) – цвет **разбойной** фашизации, цвет оккупации, цвет национального предательства (Сергей Подосенов. Депутат Журавлев едет в Крым поддержать русских националистов // Известия, 2014.02.03).*

*Впервые в истории разворачивается «**цветная революция**» нового типа – **антиконституционный** и **антидемократический** мятеж под лозунгами десоверенизации государства. (Сергей Подосенов. Депутат Журавлев едет в Крым поддержать русских националистов // Известия, 2014.02.03).*

Телеологическая оценка выражается признаками *эффективная – неэффективная, удачная – неудачная* и эксплицируется в данных примерах из нашей рабочей картотеки:

*«**Неудачная «цветная революция»** в Киргизии, сопровождавшаяся хаосом и погромом магазинов в столице страны, привела, наоборот, к*

укреплению позиций России в Центральной Азии ...» (Внешняя политика России за последние восемь лет // РИА Новости, 2008.02.28).

А в 2000 году сфальсифицировал итоги президентских выборов в Югославии: к власти тогда пришел Коштуница. Фактически это была первая успешная «цветная» революция. А Россия тогда промолчала (Максим ЧИЖИКОВ, Александр ГАМОВ, Галина САПОЖНИКОВА, Фото АП, ИТАР - ТАСС и PHOTOPRESS. Тайна смерти Слободана // Комсомольская правда, 2006.03.13).

Оценки-сублиматы:

Эстетическая оценка эксплицируется словами *грязная, выцветшая* и служат для удовлетворения чувства прекрасного.

"Оранжевая революция" 2004 года превратилась в грязную, выцветшую "оранжевую тень" после того, как президент Ющенко был вынужден допустить своего главного противника в самое сердце правительства (Премьер-министр Украины Виктор Янукович: 'Ющенко уехал в Крым, а я хочу поработать' // Известия, 2006.08.07).

Оценки–экспрессивы, в которых представлены положительные ассоциативно-психологические оценки. Подобные примеры единичны в российском политическом дискурсе (например, *мощная, славная* цветная революция):

*После неудачи в Венесуэле США и их союзники раскрутили **мощные «цветные» революции** в Грузии, на Украине... В чем отличие этих операций по смене власти? - Во-первых, гораздо большим финансированием со стороны западных структур (Артем АНИСЬКИН, Владимир ЗИБРОВ. Как американцы свергают неугодные режимы // Комсомольская правда, 2007.12.04).*

*“...наша **славная оранжевая революция**, которую сегодня хотят втоптать и обескровить, хотят принизить и забыть, именно потому, что, возможно, не очень хорошо мы выбрали проводников, не очень хорошо эти*

проводники воплощали наши главные принципы и идеи в жизнь, но, возможно, нам и это нужно было пережить”, – сказала Тимошенко... (Андрей Лубенский. Тимошенко заявила о своей верности идеям 'славного Майдана' // РИА Новости, 2009.07.14).

Аксиологический слой концепта находит выражение в оценочных эпитетах, семантика которых различна. В целом, преобладают отрицательные оценки. В российском политическом дискурсе цветная революция оценивается как явление негативное, которое не приводит к положительным результатам.

Вышеперечисленные примеры позволяют нам заключить, что у концепта *цветная революция* сформировался богатый образный и оценочный слои, которые эксплицируются разными типами метафор и эпитетами.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Политический концепт – это разновидность лингвокультурологического концепта, который формируется в языковом сознании под воздействием политического дискурса. Для любого общества этот концепт чрезвычайно важен. Он апеллирует к идеологии и подвержен массовому воздействию со стороны СМИ и государственной власти.

2. В ходе исследования установлено, что концепт «цветная революция» относится к числу сформированных единиц политической концептосферы; его имя носит метафорический характер и широко используется в публицистических текстах. Концепт «цветная революция» относится к концептам-сценариям, которые позволяют рассмотреть этапы (начало, развитие, кульминация, результат). Это находит отражение в выявленном концептуальном признаке «процесс».

3. Структура политического концепта «цветная революция» включает три основных слоя: понятийный, образный и аксиологический.

В понятийном слое актуализированы следующие концептуальные признаки: 1) политическая технология, направленная на смену государственной власти; 2) ненасильственность; 3) событие политической жизни, инициируемое кем-либо часто извне; 4) результат демократизации общественной жизни; 5) процесс; 6) проявление протестных настроений.

Образный и аксиологический слои концепта «цветная революция» разграничиваются слабо, преобладают оценочные выразительные средства языка, которые эксплицируют данные слои концепта. Выявлены различные виды метафор и эпитетов, которые эксплицируют образный и оценочный слои концепта.

Глава 3. АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ (СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ)

3.1. Языковое сознание как объект лингвистического исследования

Сегодня понятие «языковое сознание» является предметом оперирования многих наук: лингвистики, психологии, культурологии, этнографии и др. В нашем исследовании мы опираемся на лингвистические работы ведущих отечественных исследователей в области психолингвистики (Долинский В.А [2003], Леонтьев А.А [1977, 1993], Тарасов А.Ф. [2000, 2004], Уфимцева Н.В. [2000, 2011, 2016]), так как именно психолингвистика определяет «языковое сознание» своим объектом.

Ранние работы по изучению языкового сознания констатировали, что *языковое сознание* и *сознание* является понятиями-аналогами, так как являются инструментами для описания такой универсалии как *сознание человека*. Данная идея была выдвинута в работе «Язык и сознание: парадоксальная рациональность» под ред. Е.Ф. Тарасова [1993]. Позднее Е.Ф. Тарасов разграничил данные термины, определив *языковое сознание* как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Языковое сознание и образ мира, 2000: 26]. Сознание с точки зрения своей онтогении и филогении «формируется *при участии языка*», который опредмечивает, материализует концепты в сознании, однако само сознание является более универсальным явлением, которое способно функционировать вне языковых знаков [Тавдгиридзе, 2005: 26]. Язык предстает инструментом передачи содержания сознания в обществе.

Словосочетание «языковое сознание» нередко подвергалось критике со стороны исследователей. В частности, А.А. Леонтьев отмечал, что данное сочетание эксплицитно выражает то, что язык «опосредует отношение человека к миру», что является ошибочным пониманием языка в традиционно-лингвистической трактовке [Леонтьев, 1993: 17]. Таким образом, эпитет «языковой», по мнению ученого, в данном терминосочетании способен вводить в заблуждение.

В данной работе мы придерживаемся определения Е.Ф. Тарасова, который под *языковым сознанием* понимает «**образы сознания**, овнешняемые языковыми средствами – отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе **умственные знания**, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и **чувственные знания**, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных знаний, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [Тарасов, 2000: 3]. Данное определение дополняется представителями Воронежской лингвистической школы, которые *языковое сознание* трактуют как «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании» [Тавдгиридзе, 2005: 27]. Более того, *языковое сознание* также характеризуется как «совокупность смыслов», привязанных к языку (к языковым знакам) [Кубрякова, 2004: 14]. Следовательно, *языковое сознание* в данном контексте представляется как один из элементов сознания.

По нашему мнению, данные дефиниции не противоречат друг другу и способны сосуществовать в рамках единой лингвистической макропарадигмы. Разнородность трактовок определяется прежде всего тем, что термин *сознание* не имеет общепринятой дефиниции, следовательно, определения, предлагаемые различными учеными, скорее дополняют, а не противоречат друг другу.

Таким образом, можно заключить, что *языковое сознание* – это элемент, часть или механизм сознания, отвечающий за материализацию умственных и чувственных образов в мыслительной (неаудиальной) и речевой (аудиальной) деятельности, а также отвечающий за хранение языка в сознании. Иными словами, языковое сознание – это своего рода «говорящий» тезаурус индивидуального сознания.

Наблюдение за сознанием, а также обмен информацией возможен благодаря языку, который овнешняет «когнитивное сознание» [Стернин, 2002: 47]. Одним из способов изучения языкового сознания является экспериментальная методика. Ассоциативный эксперимент является наиболее распространённым экспериментальным методом, так как позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании носителя языка. Он помогает выявить характер взаимодействия языка и сознания в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых единиц (аналогично: [Тавдгиридзе, 2005: 29]). В рамках психолингвистики существует разделение описания языкового сознания на уровни: *традиционно лингвистического описание, психолингвистическое описание* [Стернин, 2004: 12–14].

В лингвистике языковое сознание исследуется с помощью психолингвистического эксперимента, в частности ассоциативного эксперимента.

3.2. Теория ассоциативно-вербального поля

Данные ассоциативного эксперимента позволяют смоделировать ассоциативно-вербальное поле и описать языковые знаки и структуры, хранящиеся в сознании носителей определенного языка. Более того, такой эксперимент выявляет «характер взаимодействия языковых единиц и структур в процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений»

[Тавдгиридзе, 2005: 30]. Как отмечает Е.И. Грищук, экспериментальная методика позволяет вывить реальное психологическое значение, хранящееся в коммуникативном сознании человека; как правило, «системное» значение отдельной языковой единицы в языковом сознании не совпадает по объему толкованиям, представленным в толковых словарях [Грищук, 2002: 3].

С помощью психолингвистического эксперимента возможно получить и проанализировать словесные ассоциации, возникающие у человека (в нашем исследовании – у студента) на услышанное или прочитанное слово. Таким образом, испытуемые материализуют на бумажном/электронном носителе или словесно первые пришедшие на ум ассоциации/ реакции на слово- или фразу-стимул. Важно отметить, что реакции на слово-стимул ничем формально не ограничены, в отличие от направленного ассоциативного эксперимента, при котором на стимул предлагается отвечать, например, только глаголами или только прилагательными.

Факторы, определяющие использование определенной ассоциации на слово-стимул, не имеют пределов. И.Н. Кавинкина, например, указывает, что существуют ассоциативные реакции, которые типичны для «некоторого данного класса ситуаций», присущи «представителям некоторой группы и связаны с их образовательными, профессиональными, возрастными, половыми особенностями»; ассоциации могут быть также обусловлены «частными особенностями индивидуального опыта данной конкретной личности или ее психическим статусом» [Кавинкина, 2012: 28]. А.А. Леонтьев выделяет два доминирующих фактора: «лингвистический (определенные характеристики слова-стимула) и прагматический (личность самого испытуемого и его жизненный опыт)» [Леонтьев, 1977: 7].

Большинство ассоциаций, полученных в ходе САЭ, группируются на синтагматические и парадигматические [Залевская, 2014: 160], а также тематические [Кавинкина, 2012: 28]. Синтагматические реакции строятся по

принципу «дописывания», то есть стремлении составить словосочетание со словом-стимулом (например: утро > доброе), а парадигматические реакции относятся к тем лексемам, которые семантически тождественны слову-стимулу, то есть входят в единую семантическую группу (например, антонимы утро > вечер). К парадигматическим реакциям также можно отнести антонимы, синонимы и т.д. Тематическая реакция не является частью семантической зоны слова-стимула и не образует с ним сочетание (например: светлый > утро). Мы полагаем, что тематические ассоциации являются парадигматическими, поскольку объединяют слова, семантически связанные. Существует также точка зрения на то, что тематические ассоциации отражают прагматику. На это указывает Ю.А. Борисова, которая отмечает, что они «связаны с речевым опытом испытуемого, поэтому, по мнению исследователей, такие реакции будут наиболее психологически ориентированными по своему характеру» [Борисова, 2019: 268].

Таким образом, в большинстве случаев реакции не рассматриваются как случайные.

Свободный ассоциативный эксперимент является наиболее эффективным средством доступа к языковому сознанию отдельных территориальных, возрастных и иных групп людей. Он, как отмечается выше, «овнешняет» языковое сознание, а реакции, получаемые в ходе такого эксперимента, могут определяться «как следы текстов, которые проходили в разное время и проходят в данный момент через ассоциативно-вербальную сеть испытуемого» [Караулов, 1999: 113]. Ассоциативное поле, получаемое в результате ассоциативного эксперимента, является отражением тех знаний, которые стоят за словом в данной культуре, т.е. отражает его значение именно как социокультурную или политическую реальность [Уфимцева, 2016].

Ассоциативно-вербальное поле может быть представлено как функционально обусловленная многомерная психолингвистическая модель,

содержащая в себе вербальные ассоциативные связи, выявленные в процессе АЭ. Такая модель отражает часть языкового сознания в процессе речесмыслопорождения. Ассоциативно-вербальное поле обладает ядром, куда входят наиболее частотные реакции/ ассоциаты на слово- или фразу-стимул, около ядерной зоной, а также периферией. Периферия подразделяется на ближнюю и дальнюю периферию. Дальняя периферия включает в себя единичные реакции на стимул. «Получаемое в результате проведения АЭ ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева, 2014: 341].

В данной работе под ассоциативно-вербальным полем мы понимаем некоторый гештальт (целостный образ), где зона является «характеристикой некоего существенного признака, из совокупности которых складывается интенционал [содержание слова-понятия, совокупность мыслимых признаков обозначаемого данным понятием предмета] данного стимула, обобщенный образ частички мира, стоящий за данным словом» [Караулов, 2000: 194].

Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет получить данные, необходимые для моделирования ассоциативно-вербального поля, представляющего собой «овнешненные» языковыми единицами знания, представления, образы, стереотипы, существующие в сознании индивидов и социальных групп. Структурно-семантический и когнитивный анализ ассоциативно-вербального поля способствует изучению «объективно существующих в психике носителя языка семантических связей слов» [Белянин, 1999: 25].

3.3. Ассоциативно-вербальное поле «цветная революция» в структурно-семантическом аспекте

В основу настоящего исследования положены данные свободного ассоциативного эксперимента. Опрашиваемым было предложено записать первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». В результате было получено 1355 реакций. Из них однословных – 1099; двухсловных – 163; высказываний из трех и более слов – 37; чисел – 10; аббревиатур – 46.

На основе обработки результатов эксперимента было смоделировано ассоциативное поле стимула «цветная революция», в котором выделены 3 зоны: ядерная, околождерная и периферийная.

В ядерную зону входят ассоциаты с частотностью от 10 и более реакций: *радуга* (49), *красный* (44), *Украина* (26), *переворот* (24), *цветы* (23), *митинг(и)* (22), *изменение* (21), *протест* (21), *ЛГБТ* (21), *война* (19), *Ленин* (19), *борьба* (17), *гей(и)* (17), *флаг(и)* (16), *бунт(ы)* (15), *восстание* (15), *смена власти* (15), *США* (15), *оранжевый* (15), *история* (14), *негры* (14), *белый* (13), *власть* (13), *краска* (13), *афроамериканцы* (13), *политика* (12), *расизм* (12), *свобода* (12), *цвет(а)* (11), *яркая* (11), *капуста* (11), *равенство рас* (10). Как видно из примеров, большинство ассоциатов относятся к абстрактным именам существительным, называющим общественно-политические понятия. Некоторые из них вступают в парадигматические отношения со словосочетанием-стимулом. Так, семантические и синтаксические синонимы образуют синонимический ряд *цветная революция – восстание – бунт – протест – переворот – смена власти*. Ассоциативно-синтагматические связи обнаруживаются между стимулом «цветная революция» и «капуста», где ассоциативная реакция дана лишь на определение «цветная».

В околоядерную зону входят ассоциаты с частотностью от 4 до 9: *Америка* (9), *Грузия* (9), *революция* (9), *народ* (9), *СССР* (8), *палитра* (8), *Европа* (7), *зеленый* (7), *мир* (7), *свержение* (7), *октябрь* (7), *черные* (7), *желтый* (6), *демонстрация* (6), *права* (6), *раса* (6), *мода* (6), *бархатная революция* (6), *черный* (5), *Майдан* (5), *Ближний Восток* (5), *забастовка* (5), *люди* (5), *революция роз* (5), *новый* (5), *арабская весна* (4), *роза* (4), *Африка* (4), *Франция* (4), *противостояние* (4), *гражданская война* (4), *свержение легитимной власти* (4), *смена* (4), *смена режима* (4), *гомосексуализм* (4), *Сталин* (4), *цветная бумага* (4), *защита прав* (4), *рабство* (4), *темнокожие* (4). В данную зону также включаются абстрактные наименования с общественно-политической семантикой; обращает на себя внимание наличие имен собственных, называющих страны, части света. В околоядерной зоне оказались также метафорические наименования (*бархатная революция*, *революция роз*, *арабская весна*), а также наименование революционных событий на Украине (*Майдан*, т.е. «украинская цветная революция 2004 и 2014 годов»), которая получила свое наименование в результате метонимического переноса. Ср. укр. *майдан* – «площадь» (на которой происходили главные события цветной революции).

Периферийная зона АВП «цветная революция» включает ближнюю и дальнюю области. Ближняя периферия включает ассоциаты с частотностью 2 – 3: *чернокожий* (3), *небо* (3), *красочная* (3), *Киргизия* (3), *столкновение* (3), *анархия* (3), *демократия* (3), *пропаганда* (3), *демократизация* (3), *управление* (3), *меньшинства* (3), *1917* (3), *радость* (3), *страх* (3), *дискриминация* (3), *равноправие* (3), *насилие* (3), *ненасильственный* (3), *несправедливость* (3), *нации* (3), *символ* (3), *кровавые* (3), *лето* (2), *синий* (2), *розовый* (2), *Алжир* (2), *Балканы* (2), *заграница* (2), *Китай* (2), *Ливия* (2), *Россия* (2), *Северная Африка* (2), *беспорядки* (2), *мятеж* (2), *подавление* (2), *интервенция* (2), *бунт темнокожих* (2), *революция рас* (2), *победа* (2), *мирная революция* (2), *шествие(я)* (2), *вмешательство* (2), *движение* (2), *правительство* (2), *режим* (2), *строй* (2),

кризис (2), прогресс (2), лесбиянки (2), секс-меньшинства (2), Навальный (2), Тимошенко (2), 90-е (2), разноцветный флаг (2), недовольство (2), угнетение (2), добро (2), любовь (2), азиаты (2), арабы (2), расовая (2), молодежь (2), студент(ы) (2), толпа (2), желтые жилетки (2), надежда (2), апельсин (2), картина(ы) (2), черно-белое кино (2), стиль (2), тюльпановая (2), влияние (2), гей-парад (2), красивое название (2), креатив (2). Анализ этих ассоциатов свидетельствует о наличии в языковом сознании оценок революции, что выражается в использовании слов с положительной и отрицательной коннотацией (*надежда, беспорядки, подавление, кровавые, анархия, демократия и т.д.*).

В дальнюю периферию вошли единичные реакции: *ромашка, трава, тюльпан, цветик-семицветик, тепло, весна, море, солнце, туча, блеск, выброс цветов, голубой, дифракция, дисперсия, неон, спектр, мрак, огонь, Австралия, арабские страны, Армения, Бразилия, ближнее зарубежье, Венесуэла, восток, Восточная Европа, гетто, государство, Египет, запад, Ирак, Испания, Новая Зеландия, Питер, Постсоветское пространство, Польша, Прибалтика, Рим, Сербия, Сирия, страны третьего мира, Тибет, Узбекистан, Чехословакия, Эфиопия, Югославия, площадь, агрессия, военные действия, вооруженное столкновение, вспышка агрессии, волна революций, красная революция, кровопролитие, мировая революция, насильственная революция, наступления, невидимая революция, ожесточенные бои, революция «извне», революция без больших потерь, изменившая все в корне революция, революция снизу, сражение, стычки с полицией, цветной бунт, восстание цветного населения, радикальное искоренение расизма, революция темнокожих американцев против белых, революция цветных металлов, глобальная коммуникация, марши, митинг с цветными флагами, митинги за права пар одного пола, большевики, геополитика, ку-клус-клан, оппозиция, политология, сепаратизм, авангард, красная армия, поход, госдеп, легитимная власть, парламент, приход к власти*

прозападных властей, реформа, свергнуть, смена неудобного правительства, смена политической картины мира, независимость, сдвиг, радужная эволюция, безопасность, красивое будущее, перемены, процветание, ссора, трудности, хаос, бифуркация, остановки, событие, жизнь, трагедия, гендер, нетрадиционная ориентация, однополые браки, Мадуро, Мартин Лютер, Наполеон, Порошенко, Шарп, Ющенко, Маяковский, Роза Паркер, парад суверенитетов, старое время, 1920, 1948, 60-е, конец 1980-х, 20 век, красное знамя, гуашь, карандаши, пятна краски, сепия, полотно, ткани, манипуляция сознанием, безразличие, беспокойство, веселье, боль, возмущение, жестокость, негатив, ненависть, спокойствие, тревога, толерантность, ужас, ярость, коммунизм, либерализм, национализм, социализм, массовые убийства, неравенство, права мигрантов, свобода слова, борьба за равенство, ущемление прав цветных, отсутствие дискриминации, свобода выбора, евреи, немцы, народности, национальность, этнические группы, главарь, жертвы, противник, разноцветные солдаты, солдаты, гомофоб, люди разной расы, человек цвета, собрание художников, стилиаги, граждане, дети, общество, современное общество, хиппи, эмигранты, герой, шальная императрица, клоуны, желание, желание что-то изменить, справедливость, бананы, брокколи, карамель, овощи, персик, фрукты, хурма, граффити, хардкор, культура, мозаика, документальные фильмы, зеленая книга, мстители (фильм), изменения в моде, стрит-арт, тотал блэк, фильм The Help, фреска, футуризм, цветное кино, шмотки, Би-2, символ революции, проект, Болотная площадь, желтая революция, оранжевая, революция гвоздик, сиреневая революция, взрывы, коричневый шум, тихо, шумная, кричалки, лозунг, массовые выступления, слово, бред, ложь, запрет, несогласие, одобряю, чушь, скрытое влияние извне, насаждение, принуждение, ООН, фонд Сороса, объединение, художественная выставка, цветмет, американский институт, комбинаты, школа, экономика, финансирование сверху, финансирование, спекуляция, производство, фестиваль

*красок, парад, парад людей нетрадиционной ориентации, революционный гей-парад, ярмарка красок, феерия, холи, необычный, неправильные действия, нестандартная, опасная, хорошая, амбициозный, чудесно, искусственный, предрассудки, разрыв шаблонов, самовыражение, издевательство, уважение, металл, металлургическая промышленность, олово, бык, верблюд, зеленый слон, пони, хамелеон, много, немного, перебор, латинский, старт, родео. Этот «шлейф единичных реакций» с трудом поддается структурно-семантическому анализу и, как правило, в интерпретациях ассоциативно-вербального поля не учитывается. Тем не менее отметим значительно число колоративов (*радужная, красная* и т.п.), а также эмотивов, которые выражают чувства и эмоции (*агрессия, безразличие, беспокойство, веселье, боль, возмущение, жестокость, негатив, ненависть, спокойствие, тревога, толерантность, ужас, ярость*) и др.*

Ассоциаты АВП «цветная революция» обнаруживают прочные системные связи. Так, в ходе исследования реакций выявлены слова, вступающие в гиперо-гипонимические отношения: *Цветы: роза, тюльпаны, ромашки; Раса: азиаты, чернокожие, негры; Цвет: желтый, черный, оранжевый* и т.п.. Отметим также отношения антонимии: *война – мир, любовь–ненависть, свобода–рабство, демократия–анархия*. В синтагматические отношения со стимулом «цветная революция» вступают ассоциаты *хорошая, опасная, шумная* и т.д.

В нашем исследовании мы будем рассматривать не только ядро, но и другие слои поля, выделяя смысловые зоны.

При распределении ассоциатов по смысловым зонам мы придерживались логического критерия и принципа аналогии. Принцип аналогии предполагает отнесение семантически схожих и близких по смыслу слов в единую семантическую зону. Выделение смысловых зон является семантическим обобщением экспериментального материала.

Следует также отметить, что существуют погрешности в рамках психолингвистической методики в связи с субъективностью ассоциирования.

Следовательно, ассоциаты, включенные в определенную смысловую зону, могут быть оспорены. Однако в большинстве случаев разделение ассоциатов по смысловым зонам проводится достаточно непротиворечиво.

С использованием методики семантического гештальта и смысловых зон Ю.Н. Караулова были определены 17 смысловых зон ассоциативно-вербального поля «цветная революция».

1. «Социальные изменения и потрясения» (273 – 20,1%);
2. «Континенты, страны и отдельные территории» (138 – 10,2%);
3. «Свет и цвет» (128 – 9,4 %);
4. «Политика и государственная власть» (120 – 8,9%);
5. «Название лиц по национальной, расовой, социальной принадлежности» (102 – 7,5%);
6. «Природа» (90 – 6,6 %);
7. «Социальные устои, право и закон» (62 – 4,6 %);
8. «Сексуальные меньшинства» (55 – 4,1 %);
9. «Состояния в движении и статике» (35 – 2,6%);
10. «Исторические периоды, даты» (34 – 2,5%);
11. «Предметы для письма, рисования, живописи, черчения, для канцелярского труда» (31 – 2,3 %);
12. «Искусство и культура» (28 – 2,1%);
13. «Чувства, эмоциональные состояния» (27 – 2,0 %);
14. «Символы» (23 – 1,7%);
15. «Съедобные растения» (19 – 1,4 %);
16. «Оценка» (9 – 0,7%);
17. «Индивидуальная характеристика» (9 – 0,7%) и некоторые другие смысловые зоны, представленные единичными реакциями.

Ниже приведены смысловые зоны, порядок следования которых определяется количеством единиц, их составляющих. Слова-реакции в зонах сгруппированы с учетом убывания их частоты.

1. «Социальные изменения и потрясения» (273 – 20,1 %). Данное семантическое поле содержит ассоциаты, указывающие на изменения и потрясения, которые происходят внутри государства и имеют отношение «власть – социум».

1.1. Радикальные изменения в государстве 175:

Смена власти 61: *переворот 24, смена власти 15, свержение 7, свержение легитимной власти 4, смена 4, смена режима 4, свергнуть, смена неугодного правительства, смена политической картины мира.*

Враждебные столкновения 58: *война 19, борьба 17, противостояние 4, гражданская война 4, столкновение 3, интервенция 2, подавление 2, военные действия, вооруженное столкновение, наступления, (ожесточенные) бои, сражение, стычки (с полицией), радикальное искоренение (расизма).*

Революция и ее виды 44: *революция 18, (бархатная) революция 6, революция (роз) 5, арабская весна 4, (тюльпановая) революция 2, (мирная) революция 2, (красная) революция, (насильственная) революция, (желтая) революция, (оранжевая) революция, революция (гвоздик), (сиреневая) революция.*

Массовые убийства 2: *кровавое пролитие, массовые убийства.*

Успех в битве 2: *победа 2.*

Отсутствие вражды 7: *мир 7.*

1.2. Выражение массового несогласия 98:

Стихийные восстания 43: *бунт(ы) 15, восстание 15, забастовка 5, мятеж 2, бунт (темнокожих) 2, беспорядки 2, (цветной) бунт, восстание (цветного населения).*

Демонстрации и демонстративные акты 55: *митинг(и) 22 / митинг с цветными флагами, митинги за права пар одного пола; протест 21, демонстрация 6, шествие(я) 2, марши, массовые выступления.*

2. «Континенты, страны и отдельные территории» (138 – 10,2%).

Данное семантическое поле содержит ассоциаты, указывающие на какую-либо территорию. В данной смысловой зоне выделяются следующие подгруппы:

2.1. Местность, территория, выделяемая по географическому положению, природным условиям, с определенной формой политической организации 104:

Страны, государства и группы государств 93: *Украина 26, США 24, Грузия 9, Франция 4, Киргизия 3, Китай 2, Алжир 2, Ливия 2, Россия 2, арабские страны, Армения, Бразилия, государства, Испания, Польша, Сербия, Ирак, Сирия, Узбекистан, Венесуэла, Египет, Эфиопия, Австралия, Новая Зеландия, страны третьего мира, постсоветское пространство, зарубежье, ближнее зарубежье.*

Исчезнувшие государства 10: *СССР 8, Чехословакия, Югославия.*

Автономные области 1: *Тибет.*

2.2. Крупные массивы земной коры и части света 25:

Континенты 11: *Европа 7, Африка 4.*

Регионы 11: *Ближний Восток 5, Балканы 2, Северная Африка 2, Восточная Европа, Прибалтика.*

Части света 2: *восток, запад.*

2.3. Места, связанные с основными событиями цветных революций 7: *Майдан 5, площадь, Болотная площадь.*

2.4. Города 2: *Питер, Рим.*

Третья смысловая зона, которая была выделена в рамках свободного вербально-ассоциативного эксперимента, именуется «свет и цвет».

3. «Свет и цвет» (128 – 9,4 %). Данная смысловая зона включает ассоциаты, называющие цвет, свет и световые явления.

3.1. Цветовая характеристика 110: *красный 44, оранжевый 15, белый 13, цвет(а) 11, зеленый 7, желтый 6, чёрный 5, красочная 3, синий 2, розовый 2, голубой, выброс цветов.*

3.2. Степень сияния 12: *яркая 11, блеск.*

3.3. Световые явления 5: *неон, огонь, дифракция, дисперсия, спектр.*

3.4. Отсутствие света 1: *мрак.*

4. «Политика и государственная власть» (120 – 8,9%). Данная смысловая зона характеризует «цветную революцию» с политологической точки зрения: ассоциаты отражают многообразие признаков, характеризующих концепт «цветная революция» как политическое явление (политические лидеры, власть, политическая деятельность, государственное устройство и т.д.):

4.1. Политические деятели 34:

Политические антропонимы прошлого 26: *Ленин 19, Сталин 4, Мартин Лютер, Наполеон.*

Политические антропонимы настоящего 8: *Навальный 2, Тимошенко 2, Мадуро, Порошенко, Шарп, Ющенко.*

4.2. Государственное устройство и власть 31: *власть 13, анархия 3, демократия 3, управление 3, режим 2, строй 2, правительство 2, легитимная власть, приход к власти прозападных властей, независимость.*

4.3. политика и политическая деятельность 33: *политика 12, пропаганда 3, демократизация 3, вмешательство 2, движение 2, влияние 2, угнетение 2, геополитика, манипуляция сознанием, политология, реформа, скрытое влияние извне, насаждение, принуждение.*

4.4. Общественно-политические и идеологические концепции, течения и взгляды 17: *расизм 12, коммунизм, либерализм, национализм, социализм, сепаратизм.*

4.5. Политические организации, фракции 5: *госдеп, оппозиция, ку-клус-клан, большевики, парламент.*

5. «Название лиц по национальной, расовой, социальной принадлежности» (101 – 7,5%). Данная смысловая зона выделяет признаки исследуемого концепта на основании принадлежности индивида к определенной группе людей в зависимости от расы, национальности, социального статуса и по ряду единичных признаков.

5.1. Исторически сложившаяся группа людей, объединённых общностью происхождения 74:

Негроидная раса 41: *негры 14, афроамериканцы 13, черные 7, темнокожие 4, чернокожий 3.*

Нация 21: *народ 9, нации 3, азиаты 2, арабы 2, евреи, немцы, народности, национальность, этнические группы.*

Общество 3: *граждане, общество, современное общество.*

Раса 9: *раса 6, расовая 2, люди разной расы.*

5.2. Реальные лица, люди 27:

Общие обозначения совокупности лиц 5: *люди 5.*

Совокупности лиц по возрасту и социальным чертам 5: *молодежь 2, студент(ы) 2, дети.*

Скопление людей 3: *толпа 2, собрание художников.*

Общие обозначения в военной, военизированной сферах деятельности 3: *противник, разноцветные солдаты, солдаты.*

Протестные группы 2: *желтые жилеты 2.*

Чудачество, оригинальничанье, легкомыслие, щёгольство, манерничанье 2: *стиляги, клоуны.*

Члены, сторонники молодёжных, детских, неформальных организаций, движений 1: *хиппи.*

По не исконному месту жительства, нахождения, по перемене места жительства 1: *эмигранты.*

Отнесённость к общественному событию, к ситуации 1: *жертвы.*

6. «Природа» (90 – 6,6 %). В данной семантической зоне ассоциаты отражают природные явления во всех их проявлениях, то есть связывают именование «цветная революция» с объектами и явлениями мира природы. Свободный ассоциативный эксперимент позволяет выделить в этой смысловой зоне следующие подгруппы:

6.1. Атмосфера земли, воздушное пространство, небесное свечение 55:

Небесное свечение; воздушные, оптические явления 54: *радуга 49, небо 3, солнце*

Облака, тучи 1: *туча*

6.2. Растения 31:

Травянистые растения 24: *цветы 23, трава.*

Декоративные и дикорастущие кустарники и растения 6: *роза 4, ромашка, тюльпан.*

Несуществующие растения 1: *цветик-семицветик.*

6.3. Времена года 3: *лето 2, весна.*

6.4. Водные пространства 1: *море.*

6.5. Температура воздуха 1: *тепло.*

7. «Социальные устои, право и закон» (62 – 4,6 %):

7.1. Противозаконное действие, преступление 10: *дискриминация 3, насилие 3, ненасильственный 3, отсутствие дискриминации*

7.2. Права и свободы человека 47:

Равенство 16: *равенство (рас) 10, равноправие 3, неравенство, борьба за равенство, расовое неравенство.*

Свобода 14: *свобода 12, свобода слова, свобода выбора.*

Право 12: *права 6, защита прав 4, права мигрантов, ущемление прав цветных.*

Справедливость 4: *несправедливость 3, справедливость*

Рабство 5: *рабство 4, отмена рабства.*

8. «Сексуальные меньшинства» (55 – 4,1 %). Реакции данной зоны отражают представления студентов об основных группах, принимающих участие или организующих цветные революции. По нашему мнению, появление ассоциатов, связанных с сексуальными меньшинствами, связано а) с тем, что студенты не знакомы с явлением «цветная революция», и б) с тем, что слово «цветная» в словосочетании «цветная революция» ассоциируется с основным символом ЛГБТ сообщества – радужным флагом.

8.1. Именования, связанные с сексуальной и гендерной идентичностью 52:

Общее наименование 29: *ЛГБТ 21, меньшинства 3, секс-меньшинства 2, нетрадиционная ориентация, гендер, однополые браки.*

Гомосексуальность 23: *гей(и) 17, гомосексуализм 4, лесбиянки 2.*

8.2. Манифестация сексуальных меньшинств 3: *митинг за права пар одного пола, парад людей нетрадиционной ориентации, революционный гей парад.*

9. «Состояния в движении и статике» (35 – 2,6%). Данная семантическая зона содержит ассоциаты, характеризующие цветную революцию в статике и динамике.

9.1. Смена состояний в развитии чего-либо 27:

Изменение 23: *изменение 22, сдвиг.*

Поступательное движение 3: *прогресс 2, радужная эволюция.*

Прекращение движения 1: *остановки.*

9.2. Состояние в статике 8:

Переходное состояние 2: *кризис 2*

Состояние успешного развития 2: *процветание, красивое будущее*

Отсутствие опасности 1: *безопасность*

Состояние вражды 1: *ссора*

Беспорядок 1: *хаос*

Тяжелое потрясение 1: *трагедия*

10. «Исторические периоды, даты» (34 – 2,5%). В данную семантическую зону вошли ассоциаты, связывающие цветные революции с историей и определёнными историческими этапами. Таким образом, цветная революция рассматривается как явление прошлого, а не настоящего.

10.1. Общие исторические понятия 16: *история 14, старое время, событие.*

10.2. Конкретные исторические даты и события 18: *октябрь 7, 1917 – 3 реакции, 90-е – 2 реакции, 1920, 1948, 60-е, конец 1980-х, 20 век, парад суверенитетов.*

11. «Предметы для письма, рисования, живописи, черчения, для канцелярского труда» (30 – 2,3 %). Данная семантическая зона содержит ассоциаты, указывающие на различные объекты, используемые в живописи, черчении и т.д.

11.1. Предметы для рисования и живописи 26: *краска 13, палитра 8, гуашь, карандаши, полотно, сетка, краски.*

11.2. Предметы для черчения и канцелярского труда 4: *цветная бумага 4.*

12. «Искусство и культура» (28 – 2,1%). В данной смысловой зоне объективируется связь цветных революций с миром искусства и культуры, в частности моды, кинематографа, изобразительного искусства и музыки.

12.1. Культура моды 11: *мода 6, стиль 2, изменения в моде, тотал-блэк, шмотки.*

12.2. Кинематограф 7: *черно-белое кино 2, документальные фильмы, Зеленая книга (название фильма), Мстители (названия фильма), фильм The Help, цветное кино.*

12.3. Изобразительное искусство 6: *картина(ы) 2, граффити, мозаика, стрит-арт, фреска.*

12.4. Музыка 2: *хардкор, Би-2 (название музыкальной группы).*

12.5. Общие термины сферы искусства и культуры 2: *культура, футуризм.*

13. «Чувства, эмоциональные состояния» (27 – 2,0 %). В данной зоне выделены ассоциаты, которые дают цветной революции общую чувственную, эмоциональную и поведенческую оценку.

13.1. Чувственная оценка 12:

Отрицательно-окрашенные чувства 6: *недовольство 2, ужас, ненависть, ярость, боль.*

Положительно-окрашенные чувства 4: *любовь 2, добро 2.*

Отсутствие чувств 2: *безразличие, спокойствие.*

13.2. Эмоциональная оценка 11:

Вызываемые эмоции (отрицательно-окрашенные) 7: *страх 3, возмущение, негатив, ярость, тревога.*

Вызываемые эмоции (положительно-окрашенные) 4: *радость 3, веселье.*

13.3. Поведение 4:

Отрицательно-окрашенное поведение 3: *агрессия 2, жестокость.*

Положительно-окрашенное поведение 1: *толерантность.*

14. «Символы» (23 – 1,7%). Ассоциаты, выделенные в данной зоне, указывает на наличие «символического» в цветных революциях.

13.1. Флаги и знамена 19: *флаги 16, разноцветный флаг 2, красное знамя.*

13.2. Общее понятие символа 4: *символ 4.*

15. «Съедобные растения» (19 – 1,4 %). Ассоциаты данной зоны связываются концепт «цветная революция» с продуктами питания.

14.1. Овощи 13: *капуста 11, брокколи, овощи,*

14.2. Фрукты 6: *апельсин 2, бананы, персик, фрукты, хурма*

16. «Оценка» (9 – 0,7%). Данная смысловая зона представления двумя группами ассоциатов, характеризующими цветную революцию с противоположных сторон – позитивной и негативной.

16.1. Негативная оценка 4: *кровавые 3, неправильные действия.*

16.2. Позитивная оценка 3: *хорошая, чудесно, амбициозный.*

16.3. Общая эстетическая оценка 2: *красивое название* 2.

17. «Индивидуальная характеристика» (9 – 0,7%). В данной зоне можно выделить две группы ассоциатов, одна из которых указывает на актуальность цветных революций, а вторая – на его своеобразии.

17.1. Создан впервые 5: *новый* 5.

17.2. Необычность революции 4: *креатив* 2, *необычный, нестандартная*.

Проведенный САЭ показал, что концепт «цветная революция» обладает в языковом сознании молодежи обширным ассоциативным полем, образующим семантический гештальт, вычленяющий в своем составе около 17 смысловых зон, характеризующих различные аспекты осмысления цветной революции языковым сознанием. Однако большое количество таких осмыслений не имеют прямого отношения к «цветным революциям» как политическим явлениям.

Большое количество единичных реакций (172) свидетельствует о значительной роли субъективного восприятия носителями языка анализируемого концепта, о существовании личностно-эмоционального характера восприятия.

Проведенное нами исследование ассоциативно-вербального поля концепта «цветная революция» свидетельствует, что она специфически проявляется в языковом сознании молодежи. Феномен «цветная революция» в целом оценивается негативно, поскольку преобладают слова с отрицательной коннотацией. В некоторых случаях, есть смысл разграничивать реакции на слова цветная и революция.

3.4. Когнитивные классификаторы концепта «цветная революция» (по данным ассоциативного эксперимента)

В задачу настоящего параграфа входит выявление когнитивных классификаторов концепта «цветная революция», а также когнитивная

интерпретация результатов САЭ. Под когнитивным классификатором мы понимаем вслед за Л.А. Тавдгиридзе «компонент содержания концепта, отражающий аспект осмысления соответствующего объекта, конкретизируемый в структуре концепта совокупностью однотипных когнитивных признаков» [Тавдгиридзе, 2005: 34], то есть когнитивные классификаторы концепта «цветная революция» «обобщают в структуре концепта близкие по содержанию когнитивные признаки» [Тавдгиридзе, 2005: 75]. Нами были выявлены следующие когнитивные классификаторы, концептуализирующие цветную революцию в языковом сознании красноярских студентов.

1. Социальные изменения и потрясения (271 – 20,0%): Анализ показал, что «цветная революция» концептуализируется в сознании молодежи как нечто, приводящее к чему-то радикальному, например, смене власти, враждебным столкновениям, революции, массовым убийствам, ассоциируется с войной и может заканчиваться успехом и миром. Более того, «цветная революция» концептуализируется в сознании молодежи как процесс, сопровождающийся различными демонстративными актами и восстаниями.

2. Континенты, страны и отдельные территории (136 – 9,4 %). «Цветная революция» концептуализируется в сознании молодежи, прежде всего, как явление, происходящее внутри отдельно взятой страны или группы территориально близких друг к другу государств. Например, наиболее распространёнными ассоциатами оказались *Украина 26, США 24, Грузия 9*. Данный выбор основывается на том, что наиболее известные для рядового российского гражданина цветные революции происходили в Украине («Оранжевая революция») и Грузии («Революция роз»). США в данном случае выступает как один из акторов такой революции: как было отмечено при анализе понятийного слоя, особенностью цветных революций является их финансирование из-за рубежа. Более того, данный когнитивный классификатор свидетельствует, что «цветная революция» связывается с большими крупными

территориальными единицами (*Европа 7, Африка 4, Ближний Восток 5*), а также исчезнувшими государствами (*СССР 8*), что может свидетельствовать о том, что в языковом сознании молодежи нет строгого понимания исследуемого концепта, так как территориально границы цветных революций ограничены рамками отдельного государства. Анализ показал, что в языковом сознании части респондентов существует представление об основных местах внутри городов (*Майдан 5*), где происходили «цветные революции».

3. Свет и цвет (127 – 9,4 %). Данный когнитивный классификатор представлен обобщает в сознании студентов когнитивные признаки, относящиеся к цветовой характеристике, степени сияния, а также световым явлениям. Наиболее частотным признаком выступает цветовая характеристика, которая представлена в основном колоративными прилагательными, среди которых особенно выделяется *красный 44* и *оранжевый 15* цвета. Более того, цветная революция объективизируется таким когнитивным признаком как *яркая 12*.

4. Политика и государственная власть (120 – 8,9%). Данный когнитивный классификатор обобщает такие признаки, как политика, политические деятели прошлого и настоящего, власть, государственное устройство, расизм, политические организации и фракции, общественно-политические и идеологические концепции, течения и взгляды. В целом, цветная революция осмысливается как явление политическое.

5. Название лиц по национальной, расовой, социальной принадлежности (91 – 6,7 %). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки, которые характеризуют возможных участников «цветной революции». Преобладающим признаком выступает *негроидная раса 41*.

6. Природа (88 – 6,5 %). Когнитивный классификатор «природа» обобщает те когнитивные признаки, которые связывают цветные революции с

явлениями мира природы. Наиболее распространенными яркими признаками выступают такие ассоциаты, как *радуга* 49 и *цветы* 23.

7. Социальные устои, право и закон (62 – 4,6 %). Данный когнитивный классификатор обобщает те признаки цветной революции, которые указывают на связь концепта с фундаментальными понятиями прав и свобод человека: *равенство* 16, *свобода* 14, *право* 12, *справедливость* 4, и т.д.

8. Сексуальные меньшинства (55 – 4,1 %). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки концепта, ассоциативно связанные с движением и деятельностью *ЛГБТ* 52.

9. Исторические периоды, даты (34 – 2,5%). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки, указывающие на то, что цветные революции являются частью прошлого, не имеют отношения к XXI веку.

10. Предметы для письма, рисования, живописи, черчения, для канцелярского труда (31 – 2,3 %). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки, которые отражают связь цветных революций с предметами для рисования, живописи, черчения и канцелярского труда.

11. Состояния в движении и статике (30 – 2,2 %). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки «физического» состояние цветных революций, отмечая прежде всего такой признак, как *изменение* 22.

12. Искусство и культура (26 – 1,9 %). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки, отражающие связи цветных революций и моды, кинематографа, изобразительного искусства и музыки.

13. Чувства, эмоциональные состояния» (25 – 1,8%). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки, дающие характеристику отрицательно- и положительно-окрашенных чувств, эмоций и состояний: превалируют отрицательно-окрашенные чувства и эмоции.

14. Символы (23 – 1,7%). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки, проецирующие связь цветных революций с *флагами* 19, государственными символами.

15. Съедобные растения (19 – 1,3 %). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки, отражающие прежде всего ассоциативную связь концепта «цветная революция» с съедобными растениями. Это вербализуется синтагаматическими ассоциатами: например, слово *капуста* 11, образованное путем «дописывания» слова-стимула «цветная»; таким образом, образуется словосочетание «цветная капуста».

16. Индивидуальная характеристика (9 – 0,7%). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки, подчеркивающие новизну и своеобразие цветных революций.

17. Оценка (8 – 0,6%). Данный когнитивный классификатор обобщает когнитивные признаки, дающие общую оценочную характеристику цветной революции.

Наиболее типичными являются следующие когнитивные классификаторы: «Социальные изменения и потрясения» 20,0%; «Континенты, страны и отдельные территории» 9,4%; «Свет и цвет» 9,4%; «Политика и государственная власть» 8,9%.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Языковое сознание является важнейшим элементом исследования как для психолингвистики, так и для когнитивной лингвистики. Точки зрения на феномен *языковое сознание* формально разнятся, однако, при их детальном рассмотрении становится понятно, что они не противоречат друг другу и способны сосуществовать в рамках единой лингвистической макропарадигмы. Разнородность трактовок *языкового сознания* определяется прежде всего тем, что термин *сознание* не имеет общепринятой дефиниции, следовательно, определения, предлагаемые различными учеными, скорее дополняют, а не противоречат друг другу. Для данного исследования языковое сознание определено как элемент, часть или механизм сознания, отвечающий за материализацию умственных и чувственных образов в мыслительной (неаудиальной) и речевой (аудиальной) деятельности, а также отвечающий за хранение языка в сознании. Иными словами, языковое сознание – это своего рода «говорящий» тезаурус индивидуального сознания.

2. Наиболее разработанным лингвистическим методом доступа к языковому сознанию является ассоциативный эксперимент. В данной работе был применен свободный ассоциативный эксперимент, с помощью которого были получены данные о различных аспектах отражения языкового сознания, а также сконструировано ассоциативное поле, представляющее собой «овнешненный» языковым сознанием языковой материал.

3. Валидность результатов обеспечивается широтой проведенного эксперимента. Языковой материал был получен путем проведения САЭ в четырех ВУЗах города Красноярска. Всего в эксперименте приняли участие 521 студент. В результате САЭ было получено 1355 реакций. Из них однословных – 1099, двухсловных – 163, высказываний из трех и более слов – 37, чисел – 10, аббревиатур – 46.

4. Данные ассоциативного эксперимента позволили смоделировать ассоциативно-вербальное поле, в котором выделено 17 семантических зон. Установлено, что самыми многочисленными являются семантические зоны: «Социальные изменения и потрясения» 20,1%; «Континенты, страны и отдельные территории» 10,2%; «Свет и цвет» 9,4%; «Политика и государственная власть» 8,9%. Это свидетельствует о том, что в обыденном сознании молодежи в целом отражаются основные понятийные и ассоциативные признаки концепта «цветная революция».

5. Когнитивная интерпретация языкового материала позволяла выделить когнитивные классификаторы концепта «цветная революция», которые обобщают в языковом сознании студентов важнейшие когнитивные признаки концепта «цветная революция». Установлено, что основными классификаторами являются «Социальные изменения и потрясения» 20,0%; «Континенты, страны и отдельные территории» 9,4%; «Свет и цвет» 9,4%; «Политика и государственная власть» 8,9%.

6. Требуется пояснения наличие в ядре концепта «цветная революция» когнитивных признаков, которые обобщают когнитивный классификатор «сексуальные меньшинства» (55 ассоциатов). Ассоциаты, относящиеся к данной зоне, равномерно распределены в ядерной, околядерной и периферийной зонах АВП концепта. Представления о том, что члены ЛГБТ сообщества являются участниками «цветных революций» возможно объяснить как с тем, что студенты не знакомы с явлением «цветная революция», так и с тем, что слово «цветная» в словосочетании «цветная революция» ассоциируется с основным символом ЛГБТ сообщества – радужным флагом. Вероятно также и то, что ассоциаты появились в связи с возросшим вниманием независимых интернет-СМИ к проблемам сексуальных меньшинств в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аналитический обзор работ по политическому дискурсу (ПД) показал, что ПД является одним из основных объектов коммуникативно-когнитивной макропарадигмы современной лингвистики. В ходе исследования установлено, что в научной литературе существуют два основных подхода к рассмотрению ПД: широкий и узкий. В данной работе за основу был взят широкий подход, рассматривающий *политический дискурс* как совокупность всех речевых актов, текстов, а также публичного права, традиций и опыта, который определяется и выражается в форме словесных образований, содержание, субъект и адресат которых относится к сфере политики.

В магистерской диссертации подчеркивается, что сущностные характеристики ПД определяют его функции: суггестивная, инструментальная, регулятивная, референтная, а также функции проекции в будущее и прошлое, формирования общественного мнения, распространения информации, «определения повестки дня». При исследовании политических концептов следует учитывать такие характеристики политического дискурса, как институциональность, фантомность, фидеистичность, роль фактора масс-медиа, дистанционность и авторитарность, театральность, динамичность, манипулятивность, идеологическая поляризация, использование общественно-политической лексики и фразеологии, апелляция к традиционным ценностям, высокая степень интертекстуальности.

В рамках политического дискурса был рассмотрен политический концепт «цветная революция», который первоначально зародился в медиа-дискурсе, но затем прочно интегрировался в ПД и породил большой интерес исследователей к данному политическому явлению. Цветные революции на сегодняшний день являются серьезной угрозой для любого политического режима, так как они включают в себя управляемые политические процессы, уникальные для своего

времени политические технологии, инициируемые и внедряемые транснациональными агентами и направленные на трансформации политического режима в отдельно взятом государстве.

В ходе исследования установлено, что в научной литературе отсутствует единый подход к определению политических концептов. К числу не общепринятых относится и термин «политический концепт». Ряд исследователей используют его синонимы «концепт политического сознания», «идеологический концепт», «лингвоидеологический концепт». В рамках магистерской диссертации политический концепт рассматривается как особая разновидность лингвокультурологического концепта, который формируется в языковом сознании под воздействием политического дискурса. Для любого общества этот концепт чрезвычайно важен. Он апеллирует к идеологии и подвержен массовому воздействию со стороны СМИ и государственной власти.

В ходе исследования установлено, что концепт «цветная революция» относится к числу сформированных единиц политической концептосферы; его имя носит метафорический характер и широко используется в публицистических текстах. Концепт «цветная революция» относится к концептам-сценариям, которые позволяют рассмотреть этапы (начало, развитие, кульминация, результат). Об этом убедительно свидетельствуют данные вербально-ассоциативного поля и его когнитивная интерпретация, позволившая выделить классификатор «состояния в движении и статике» (35 – 2,6%).

Структура политического концепта «цветная революция» включает три основных слоя: понятийный, образный и аксиологический.

Словосочетание «цветная революция» пока не нашло отражения в специальных политологических, социологических, философских словарях. Однако это не говорит нам о том, что концепт ЦР отсутствует в языковой картине мира россиян. В национальном корпусе русского языка (НКР) имеется

157 примеров использования имени концепта «цветная революция» и его гипонимов («оранжевая революция», «революция роз» и т.п.).

Анализ трудов ведущих отечественных и зарубежных исследователей в области «цветных революций» подтвердил, что «цветными» данные революции делали символы, которыми пользовались революционно настроенные массы (красная роза, оранжевый цвет, тюльпан и т.д.). Цветная революция – это политическое явление XXI века, основная цель которого – не коренная смена политического строя/ режима и элит, а изменение правящей власти.

Анализ публицистических и научных текстов о цветной революции позволил выявить особенности структуры и содержания данного концепта. Так, в составе его понятийного слоя были выявлены такие базовые концептуальные признаки, как:

1) политическая технология, направленная на смену государственной власти (*«цветная революция – новый тип политических технологий по смене власти»* [Марков, 2005]);

2) ненасильственность (*«“цветная” революция – государственный переворот, осуществлённый, с преимущественным использованием методов НПБ* [ненасильственной политической борьбы], *силами “цветного” движения»* [Остроменский, 2011]);

3) событие политической жизни, инициируемое кем-либо часто извне (*«система методов свержения государственной власти, результат иностранного вмешательства во внутреннюю политику государства, с целью дестабилизации политического пространства и совершения государственного переворота»* [Иглин, 2016: 132–133]);

4) результат демократизации общественной жизни (*«непосредственный результат демократизации политической системы авторитарного государства»* [Банс, 2006]);

5) процесс («**процесс смены правящих режимов под давлением массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций**» [Почепцов, 2005: 11]);

6) проявление протестных настроений («**проявление протестных настроений населения, вызванных внутривнутриполитическими и социально-экономическими проблемами и противоречиями**» [Новодержкин, 2017: 47]).

В ходе исследования установлено, что образный и аксиологический слои концепта «цветная революция» разграничиваются слабо, преобладают оценочные выразительные средства языка, которые эксплицируют данные слои концепта. Нами были выделены различные модели метафорического переноса, которые обусловили появление следующих видов метафор:

1) антропоморфные метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – РОЖЕНИЦА): *Оранжевая» революция, поднатужившись, родила на свет свое очередное дитя;*

2) морбианальные метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – БОЛЕЗНЬ): *“Оранжевая революция станет эпидемией свободы по всему миру!;*

3) стихийные природные метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ПРИРОДНАЯ СТИХИЯ): *«Цветные революции”, полыхнувшие по периметру наших границ, насторожили многих российских политиков и политологов»;*

4) фитоморфные метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – КРОВАВОЕ РАСТЕНИЕ): *начинавшаяся в Египте и Тунисе как классическая цветная революция – революция европейского образца, вдруг расцвела кровавыми цветами;*

5) театральные метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – СПЕКТАКЛЬ): *А сама “революция роз” была тщательно срежиссированным спектаклем;*

6) игровые метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ИГРА): *... а заодно политики ОБСЕ и ЕС, которые так же активно играли в “цветные революции”;*

7) криминальные метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – КРИМИНАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ): *есть и такое мнение: «"цветные" революции— просто разборки внутри правящих кланов;*

8) милитаристские метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ДЕЙСТВИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА): *На смену оранжевому цвету «либеральной вольницы» приходит коричневый – цвет разбойной фашизации, цвет оккупации, цвет национального предательства;*

9) комические метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – КОМИЧЕСКИЙ ЖАНР): *“Оранжевая революция” – это уже анекдот” ...;*

10) артефактные метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ПРОДУКТ/ ТОВАР): *...“оранжевая революция” – продукт медиа-манипуляций, а проблему русского языка придумали политики;*

11) инструментальные метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – МЕХАНИЗМ / ИНСТРУМЕНТ): *“Оранжевая революция” для него тоже элемент бизнеса. Кредо Березовского: политика — как механизм делания денег; Именно Бульдозерная революция 2000 года в Югославии (Сербии) стала первой ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ революцией;*

12) символические метафоры (ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – СИМВОЛ ДЕМОКРАТИИ): *Итог закономерен. “Цветные революции” стали своеобразным символом “площадной” демократии, насаждаемой западными “цветоводами” в странах молодых демократий, не окрепших экономически и политически.*

Образный слой концепта «цветная революция» эксплицируется оценочными метафорами, которые не только конструируют образ концепта, но и определяют его аксиологические характеристики. В большинстве примеров ЦР оценивается негативно и ассоциируются с «бойным застольем», «фуфлом», «анекдотом», «слепком шахтерских бунтов».

Аксиологический слой концепта «цветная революция» эксплицируется оценочными лексическими и стилистическими средствами языка. Выделяются несколько типов оценок:

Оценки-когнитивы:

1) интеллектуальная и рационалистическая оценка (*Но самой **идиотской** и **деструктивной** акцией американской дипломатии за последние семь лет стала «оранжевая революция» на Украине*);

3) нормативная оценка (*Впервые в истории разворачивается «цветная революция» нового типа – **антиконституционный** и **антидемократический** мятеж под лозунгами десоверенизации государства...*);

4) телеологическая оценка (***Неудачная «цветная революция»** в Киргизии, сопровождавшаяся хаосом и погромом магазинов в столице страны, привела, наоборот, к укреплению позиций России в Центральной Азии ...*);

Оценки-сублиматы представлены только эстетической оценкой (*"**Оранжевая революция**" 2004 года превратилась в **грязную, выцветшую** "оранжевую тень" ...*).

Психолингвистический анализ концепта «цветная революция» позволил углубить представление о когнитивных признаках, определяющих особенности его содержания в языковом сознании студенческой молодежи.

На материале результатов свободного ассоциативного эксперимента было смоделировано ассоциативно-вербальное поле концепта «цветная революция», в котором выявлены 3 базовых зоны: ядерная, окооядерная и периферийная. Последняя подразделяется на ближнюю и дальнюю периферию. Состав единиц, включенных в тот или иной слой, определяет их частотность в ответах респондентов.

В ходе исследования установлено, что ассоциативно-вербальное поле «Цветная революция» включает однословных – 1099; двухсловных – 163; высказываний из трех и более слов – 37; чисел – 10; аббревиатур – 46.

Ассоциаты вступают в системные парадигматические, гиперо-гипонимические, синтагматические отношения как со стимулом «цветная революция», так и между собой. Это свидетельствует о том, что имя рассматриваемого концепта отражает онтологические свойства языка. Анализ единиц ассоциативно-вербального поля «цветная революция» показал, что они отличаются большим разнообразием и лишь частично накладываются на репрезентанты понятийного поля концепта, рассмотренные во 2 главе диссертационного исследования.

Когнитивная интерпретация результатов проведенного ассоциативного эксперимента позволила выявить дополнительные концептуальные признаки, уточнить содержание концепта в языковом сознании молодежи. Установлено, что «цветная революция» прежде всего концептуализируется в сознании молодежи как нечто приводящее к чему-то радикальному, например, смене власти, враждебным столкновениям, революции, массовым убийствам. Цветная революция у многих ассоциируется с войной, с бунтом. Более того, «цветная революция» концептуализируется в сознании молодежи как процесс, который оценивается неоднозначно: от полного принятия до категорического отрицания.

Анализ данных ассоциативного эксперимента позволил выявить 17 когнитивных классификаторов, которые обобщают важнейшие когнитивные признаки исследуемого концепта. С учетом частотности ассоциатов, отражающих тот или иной когнитивный признак, можно определить какие из них находятся в ядре концепта. Наше исследование показало, что в ядерной зоне концепта выявляются следующие признаки: *радикальные изменения в государстве* 175; *цветовая характеристика* 110 (особенно выделился признак *красный* 44); *выражение массового несогласия* 98; *страны, государства и группы государств* 93; *небесное свечение, воздушные, оптические явления* 54 (особенно *радуга* 49); *именования, связанные с сексуальной и гендерной идентичностью* 52 (особенно *ЛГБТ* 21); *права и свободы человека* 47; *негроидная раса* 41.

В целом, можно отметить, что концепт «цветная революция» представлен в языковой сознании красноярских студентов. Обнаруженные семантические зоны частично покрывают понятийный слой концепта, но не эксплицируют его полностью. Когнитивный аспект исследования АВП позволил установить, что далеко не у всех концепт ЦР сформировался как политический концепт, значительное число испытуемых связали это наименование с сексуальными меньшинствами, расами и т.д.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является расширение эмпирической базы исследования за счёт психолингвистических экспериментов, проведённых в других регионах России, а также привлечения материалов зарубежных корпусов; проведение сопоставительных исследований, направленных на анализ дискурсивной вариативности концепта, а также на особенности его структуры и вербализации в разных языках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2016. 288 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской литературы», 1999. 896 с.
6. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд / под ред. И.А. Стерина. Воронеж, 2001. С. 52–58.
7. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2002. 22 с.
8. Банс В. «Цветные “революции» через выборы”: почему они произошли и кто следующий? [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://www.inop.ru/reading/Bunce/> (дата обращения: 04.11.2019).
9. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: Ин-т Рус. яз. АН СССР, 1991. 193 с.
10. Баранов А.Н. Политика как диалог // Полис. Политические исследования. 2000. №4. С. 24–35.
11. Баранов А.Н. и др. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М.: Фонд ИДЕМ, 2004. 94 с.
12. Белых Е.Н. Прагматическое и концептуальное содержание оценки в политическом дискурсе (на материале турецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2019. 148 с.

13. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003. 232 с.
14. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Ком. Книга, 2005. 280 с.
15. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1А. С. 265–275.
16. Бочанов М. А. «Цветные революции» как фактор трансформации внешнеполитических стратегий государств на постсоветском пространстве: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Орел, 2011. 167 с.
17. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
18. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта, 2008. 248 с.
19. Будина М.Э. Динамика языковых явлений от возникновения до приобретения новых смыслов (на примере именовании «цветных революций»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2015. 22 с.
20. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр./ Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
21. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
22. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: «ИНДРИК», 1998. 238 с.
23. Волочаева О.Ф. «Ненасильственное» изменение политического режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. №3. С. 83–86.
24. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12.

25. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. М.: РИОР, 2010. 133 с.
26. Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2: Материалы рабочего совещания. Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 20–23.
27. Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. 242 с.
28. Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2002. 248 с.
29. Гузикова М.О. К анализу политических концептов: методология Майкла Фридена // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 27–32.
30. Дейк ван Т. Принципы критического анализа дискурса/ пер. с англ. // Перевод и лингвистика текста. М.: ВЦП, 1994. С. 169 – 217.
31. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
32. Дейк ван Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
33. Демьянков В.З. Коммуникативное воздействие на структуру сознания // роль языка в структурировании сознания. М.: Институт философии АН СССР. 1994. Ч.1. С. 138–161.
34. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс]. 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm> (дата обращения: 02.10.2018).

35. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Новая школа, 1996.
36. Долинский А.В. Языковое сознание и ассоциации // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. М.: ИЯ РАН, 2003.
37. Ефимова О.В. О лингвистических методах исследования политического дискурса // Университетские чтения - 2013: материалы научно-методических чтений. Пятигорск: ПГУ, 2013. Ч. 8. С. 21-26.
38. Забело Т.В. Лингвистическая специфика политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21. Москва, 2012, 199 с.
39. Зайчикова Н.В. Стереотипные и индивидуальные составляющие концепта "POLITICIAN" в гибридном жанре политического и художественного видов дискурса: на материале современного американского политического романа: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Владивосток, 2005, 215 с.
40. Зайчикова Н.В. Языковой образ современного американского политика: от объективного к моделируемому. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2011, 227 с.
41. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с
42. Иванова О.В. Функционально-когнитивные особенности репрезентации ключевых концептов американского политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2010, 183 с.
43. Иглин Д.А. «Цветные революции» на постсоветском пространстве как общественно-политическое явление: определение и основные взгляды // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 3(9). С. 130–144.
44. Кавинкина И.Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка: анализ гендерных стереотипов в коммуникации. Монография. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 170 с.

45. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили ... М.: Алгоритм, 2005. 293 с.
46. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
47. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
48. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
49. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. М., 2000. С. 107–109.
50. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. №5. С. 126–139.
51. Корякина А.А. Политические кризисы в странах постсоветского пространства: факторы возникновения и развития: на примере современной Украины: дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02. Уфа, 2007. 164 с.
52. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / под ред. И с предисловием А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
53. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: МГУ, 1977. С. 5-17.
54. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 16–21.
55. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1977. С. 11–55.
56. Марков С.А. Цветная революция – это новый тип политических технологий по смене политической власти [Электронный ресурс]. 2005. URL: <https://www.km.ru/glavnoe/2005/11/15/arkhiv/smarmkov-tsvetnaya-revolyuetsiya-eto-novyi-tip-politicheskikh-tekhnologii-po> (дата обращения: 10.10.2019).

57. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
58. Милашевская И.В. Когнитивные признаки концепта «голова» в повести Сергея Гандлевского «Трепанация черепа» // OPERA SLAVICA. 2014. №4. С. 16–22.
59. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия: Монография. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
60. Неретина С.С., Огурцов А. П. Концепты политической культуры. М.: ИФРАН, 2011. 279 с.
61. Новодержкин Н.А. «Революция» и «цветная революция» в современной историографии // Перспективы развития научных исследований в 21 веке. Махачкала: ООО «Апробация», 2017. С. 44–48.
62. Оруэлл Дж. 1984: [роман]. Скотный двор: [сказка – аллегория] / Джордж Оруэлл: пер. с англ. В. Гольшева, Л. Беспаловой. М.: АСТ, 2014. 361 с.
63. Остроменский М.П. Основы противодействия гражданского общества «цветным» революциям // Война и Мир [Электронный ресурс]. 2011. URL: www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/62983 (дата обращения 17.05.2020).
64. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций»: Современные технологии смены политических режимов // Свободная Мысль. 2012. №5/6. С. 87–98.
65. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель — Observer. 2012. № 3. С. 36–48.
66. Попова Т.Г. Роль когнитивной функции метафоры в создании картины мира // Иностранные языки в высшей школе: Научный журнал. Выпуск 2 (17). Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2011. С. 34 -37.

67. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток - Запад, 2010. 314 с.
68. Почепцов Г.Г. Революция.com: Основы протестной инженерии. М.: Издательство «Европа», 2005. 513 с.
69. Самарин А.В. К вопросу о когнитивных классификаторах в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «совокупности живых организмов» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. №1. С. 328–332.
70. Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 3–20.
71. Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. М., 1997.
72. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
73. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. Сборник научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва-Воронеж, 2002. С. 44-51.
74. Стернин И.А. Языковое сознание и уровни его изучения // Вестник МГЛУ. Выпуск 483. Языковое сознание и межкультурная коммуникация. Серия Лингвистика. М., 2004. С.10-14.
75. Тавдгиридзе Л.А. Концепт «русский язык» в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2005. 247 с.
76. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 2–3.

77. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. №2. С. 34 – 4.
78. Таратынова Н.В. Лингвопрагматическая актуализация концепта "HAPPINESS" в политическом дискурсе: на материале выступлений Х. Клинтон: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2013. 168 с.
79. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-203.
80. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / ответственный редактор В.Н. Телия. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 13–24.
81. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
82. Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. № 9. С. 340–346.
83. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. №1. С. 238–249.
84. Фельде, О. В. Образная составляющая концепта «жизнь» в индивидуальной языковой картине мира В. П. Астафьева (на материале произведений пермского и вологодского периодов) // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». 28–30 апреля 2009 г. / отв. ред. А. М. Ковалева; Красноярск. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2009. С. 212–220.
85. Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия»: на материале лингвокультуры США: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2007. 229 с.

86. Фомина Т.Д. Динамика концепта в политическом дискурсе (на примере выступлений Д. Буша и Т. Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2006. 197 с.
87. Фролов С.С. Социология: Учебник. М.: Наука, 1994. 256 с.
88. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
89. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловский. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
90. Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса // Филология – Philologica. 1998. №14. С. 22–29.
91. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктор филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2000. 431 с.
92. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК "Гнозис", 2004. 326 с.
93. Юсупова-Фарзалиева Д.М. Информационно-коммуникативные технологии в структуре «цветных революций»: опыт современных политий // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 9. С. 310–314.
94. Юсупова-Фарзалиева Д.М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современных политиях: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Пятигорск, 2012. 146 с.
95. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Наука, 1993.
96. Языковое сознание и образ мира / под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Наука, 2000.
97. Baev P.K. A Matrix for Post-Soviet ‘Color Revolutions’: Exorcising the Devil from the Details // International Area Studies Review. 2011. №14(2). P. 3–22.
98. Dryzek, J.S., Holmes L.T. Post-Communist Democratization: Discourses across Thirteen Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 312 p.

99. Fairclough I. and Fairclough N. *Political Discourse Analysis. A method for advanced students*. London: Routledge, 2012. 270 p.
100. Freedon M. *Political Concepts and Ideological Morphology*// *The Journal of Political Philosophy*. 1994. Vol. № L. P. 140-164.
101. Freedon M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Oxford UP, 1996. 592 p.
102. Graber D.A. *Political languages // handbook of political communication / edited by Dan D. Nimmo and Keith R. Sanders*. London: Sage Publications, 1981. P. 190–220.
103. Gronbeck B.E. *The Presidency in the Age of Secondary Orality // Beyond the Rhetorical Presidency*. College Station: Texas A&M Univ. Press, 1996. P. 30–49.
104. Harris Z. S. *Discourse analysis // Language*. 28 (1). P. 1–30.
105. Klemperer V. *LTI; Notizbuch eines Philologen*. Berlin: Aufbau-Verlag, 1947. 300 S.
106. Roberts A., Ash T. *Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 412 p.
107. Taylor C. *Interpretations and the Science of Man // Philosophy and the Human Sciences*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1985. P. 3–51.
108. van Dijk T.A. *What is Political Discourse Analysis?* // *Belgian Journal of Linguistics*. 1997. 11. P. 11 – 52.
109. Wodak R. *Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis*. In Zienkowski J, Östman J-O, Verschueren J, editors, *Discursive Pragmatics*. John Benjamins Publishing Company. 2011. P. 50-70. (Handbook of pragmatics highlights).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1997. 242 с.
3. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I/ под общ. ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой. М.: «Помовский и партнеры», 1994. 224 с.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН. 2002. 803 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: пер. с нем. Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О.Н. Трубочёва. М.: Астрель, 2004. 860 с.

Образцы анкет свободного ассоциативного эксперимента

ВУЗ: КГМУ	Пол: М ☒ Ж ☐
Направление обучения: ЛЕЧЕБНОЕ ДЕЛО	Возраст: 19
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
ЦВЕТЫ, РЕВОЛЮЦИЯ	

ВУЗ: СРУ	Пол: М ☒ Ж ☐
Направление обучения: ЭКОНОМ	Возраст: 21
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
митинг нротест свержение власти	

ВУЗ: ССРУ	Пол: М ☒ Ж ☐
Направление обучения: МИРОВАЯ ПОЛИТИКА	Возраст: 22
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ, США, революция снизу	

ВУЗ: СИБГАУ	Пол: М ☒ Ж ☐
Направление обучения: РАКЕТОСТРОЕНИЕ	Возраст: 23
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
Дифракция, дисперсия, гонок- судан	

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

ВУЗ: <i>СФУ</i>	Пол: М ☒ Ж ☐
Направление обучения: <i>Физическая культура</i>	Возраст: <i>19</i>
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
<p><i>земель</i></p> <p><i>новое</i></p>	

ВУЗ: <i>СФУ</i>	Пол: М ☐ Ж ☒
Направление обучения: <i>Педагогика и психология</i>	Возраст: <i>22</i>
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
<p><i>Бунты, переворот, радуга</i></p>	

ВУЗ: <i>СФУ</i>	Пол: М ☐ Ж ☒
Направление обучения: <i>Компьютер - менеджмент</i>	Возраст: <i>22</i>
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
<p><i>Митинг, забастовка, артикуляция</i></p>	

ВУЗ: <i>СФУ</i>	Пол: М ☐ Ж ☒
Направление обучения: <i>Лингвистика</i>	Возраст: <i>19</i>
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
<p><i>ЛГБТ</i> <i>(АДОСТиТе)</i></p>	

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

ВУЗ: СФУ	Пол: М ☒ Ж ☐
Направление обучения: гос. и муницип. служба	Возраст: 20
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
Насильственная революция.	

ВУЗ: СФУ	Пол: М ☐ Ж ☒
Направление обучения: ИСТОРИЯ ИСКУССТВА	Возраст: *22
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
КРАСКИ ЛЕНИН.	

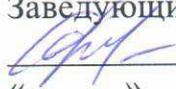
ВУЗ: СФУ	Пол: М ☐ Ж ☒
Направление обучения: международные отношения	Возраст: 20
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
переворот цветов радуга	

ВУЗ: СФУ	Пол: М ☐ Ж ☒
Направление обучения: Искусство и гуманитарные науки	Возраст: 22
I. Запишите первые пришедшие на ум ассоциации на словосочетание ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	
Буденная, голубой, красный, земля, Ленин, история, 1917	

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯиРК

 И.В. Евсева

« _____ » _____ 2020 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**КОНЦЕПТ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
МОЛОДЁЖИ**

45.04.01 Филология
45.04.01.01 Русский язык

Магистрант

С.С. Срмикян

Научный руководитель

докт. филол. наук,
профессор
О.В. Фельде

Красноярск 2020

ОТЗЫВ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

д-ра филол.наук проф. Фельде О.В.

на магистерскую диссертацию студента

направления 45.04.01 Филология

45.04.01.01 Русский язык

ИФиЯК, СФУ (ФИО) *Срмикяна Самвела Сименовича*

на тему «Концепт “цветная революция” в российском политическом дискурсе и языковом сознании молодежи».

№	Параметры оценивания	Уровни оценивания			
		<i>высокий</i>	<i>средний</i>	<i>низкий</i>	<i>отсутствует</i>
1.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования	+			
2.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям	+			
3.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения	+			
4.	Количество и качество анализа языкового материала / качество анализа литературного материала	+			
5.	Личный вклад в раскрытие темы	+			
6.	Ответственность в отношении к работе	+			
7.	Соблюдение графика выполнения магистерской диссертации	+			
8.	Отсутствие опечаток, орфографических и/или пунктуационных ошибок	+			

Комментарии научного руководителя

Самвел Сименович Срмикян относится к тому типу любознательных и разносторонне одаренных магистрантов, которым на роду написано заниматься наукой. Всё ему даётся на первый взгляд нетрудно: золотая медаль по окончанию школы, отличные оценки в бакалавриате по юриспруденции и в магистратуре по русскому языку и т.д. Но за всем этим стоит напряженная, вдумчивая и систематическая работа, высокая степень ответственности, самоорганизованности и незаурядный ум магистранта. Наверное, поэтому работать с Самвелом Сименовичем было интересно и легко.

В основу его магистерской диссертации положено столько эмпирических данных, которые достаточны и для кандидатской диссертации. По своей инициативе Самвел Сименович Срмикян провел психолингвистические эксперименты не только со студентами СФУ, как ему изначально рекомендовалось, но и во всех крупных красноярских вузах, а затем тщательно обработал полученные результаты. Следует отметить, что не все написанные им параграфы вошли в работу, часть остались в резерве. Магистрант отчетливо представляет перспективы дальнейшего исследования, умело использует имеющиеся у него фоновые сведения (параллельно он обучается в зарубежной магистратуре по специальности «Международные отношения», где занимается сходной проблемой с позиций политологии). Результаты магистерской диссертации «Концепт “цветная революция” в российском политическом дискурсе и языковом сознании молодежи» прошли необходимую апробацию. На международной конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в 2018 г. доклад С.С.Срмикяна был удостоен диплома первой степени. Имеется одна опубликованная и одна принятая в печать научная статья по

результатам исследования.

Проверка на сервисе «Антиплагиат» показала, что процент оригинальности магистерской диссертации составляет 85,68 %.

Оцениваю работу магистранта на «отлично» и рекомендую ему продолжить своё исследование в рамках аспирантуры.

Итоговая оценка научного руководителя

ОТЛИЧНО

Д-р филол.наук, проф. Фельде О.В. _____

ОТЗЫВ РЕЦЕНЗЕНТА

Кандидата филол. наук, доцента кафедры общего языкознания КГПУ им. В.П. Астафьева
 Мамаевой Татьяны Владимировны
 на магистерскую диссертацию студента направления 45.04.01 Филология 45.04.01.01
 Русский язык, ИФиЯК, СФУ Срмикяна С.С.
 на тему Концепт «цветная революция» в российском политическом дискурсе и языковом
 сознании молодежи

№	Параметры оценивания	Оценка			
		отлично	хорошо	удовл.	неудовл.
1.	Новизна и актуальность исследования	+			
2.	Лингвистические методы удовлетворяют задачам исследования	+			
3.	Выводы соответствуют поставленной цели исследования	+			
4.	Соответствие теоретической части практическим задачам исследования	+			
5.	Убедительность аргументации и критический анализ	+			
6.	Качество оформления магистерской диссертации и демонстрационных материалов (при наличии)	+			
7.	Объём текстовой части	+			
8.	Количество и оформление библиографических источников (не менее 60 единиц)	+			
9.	Теоретическое значение и практическая ценность работы	+			

Комментарий рецензента

Магистерская диссертация С.С. Срмикяна посвящена комплексному исследованию концепта «цветная революция», его представлению на понятийном, образном и аксиологическом уровнях.

Автор демонстрирует хорошее владение приемами и методами исследования, глубокую теоретическую осведомленность, практическую включенность в тему диссертации. Обращает внимание глубокий психолингвистический анализ концепта «цветная революция», позволивший выявить дополнительные концептуальные признаки, уточнить содержание концепта в языковом сознании молодежи.

Однако при моделировании ассоциативного поля допущена некоторая неточность: автором указано, что «ассоциативно-синтагматические связи обнаруживаются между стимулом «цветная революция» и «капуста», где ассоциативная реакция дана лишь на определение «цветная», в то время как следовало бы отметить наличие такой связи и у ассоциаций *радуга (49), краска (13)* в ядерной зоне; *любовь (2), картина(2)* в ближней периферийной зоне. Указанное замечание несколько не снижает положительного впечатления от рецензируемой работы, задачи которой успешно решены С.С. Срмикяном.

Представленная к защите магистерская диссертация отличается содержательной полнотой, четкой структурой, перспективой дальнейшего исследования.

Итоговая оценка рецензента

Отлично

(Handwritten signature)

АННОТАЦИЯ

Тема магистерской диссертации: «Концепт “цветная революция” в российском политическом дискурсе и языковом сознании молодежи».

Ключевые слова: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ, АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК, КОГНИТИВНЫЙ КЛАССИФИКАТОР.

Цель работы – комплексная лингвокультурологическая и психолингвистическая характеристика концепта «цветная революция» в политическом дискурсе и языковом сознании красноярских студентов.

Реализация поставленной цели предопределила решение следующих задач: 1) представить критический обзор работ по политическому дискурсу и политическим концептам; 2) выявить структуру и содержание концепта «цветная революция», охарактеризовать его концептуальные признаки; 3) выявить и описать языковые и стилистические средства экспликации образного и аксиологического слоев концепта «цветная революция»; 4) на материале результатов свободного ассоциативного эксперимента смоделировать и проанализировать ассоциативное поле концепта «цветная революция»; 5) представить когнитивную интерпретацию результатов ассоциативного эксперимента.

Практическая значимость магистерской диссертации заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания курса политической лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии. Данные исследования также могут быть использованы в научно-исследовательской работе при изучении политических концептов.

Основные выводы и результаты исследования:

1. В ходе исследования установлено, что концепт «цветная революция» относится к числу сформированных единиц политической концептосферы; его имя носит метафорический характер и широко используется в публицистических текстах. Концепт «цветная революция» относится к концептам-сценариям, которые позволяют рассмотреть этапы (начало, развитие, кульминация, результат). 2. Структура политического концепта «цветная революция» включает три слоя: понятийный, образный и аксиологический. 3. В понятийном слое актуализированы следующие концептуальные признаки: 1) политическая технология, направленная на смену государственной власти; 2) ненасильственность; 3) событие политической жизни, инициируемое кем-либо часто извне; 4) результат демократизации общественной жизни; 5) процесс; 6) проявление протестных настроений. Данные признаки эксплицируются на текстовом уровне. 4. Образный и аксиологический слои концепта «цветная революция» разграничиваются слабо, преобладают оценочные выразительные средства языка, которые эксплицируют данные слои концепта. Выявлены такие виды стилистических средств, как различные виды метафор и эпитетов, которые раскрывают образный слой концепта. Анализ лексических средств, эксплицирующих аксиологический слой, показал, что преобладают оценки-когнитивы и оценки-сублиматы. 5. Данные ассоциативного эксперимента позволили смоделировать ассоциативно-вербальное поле, в котором выделено 17 семантических зон. Установлено, что самыми многочисленными являются семантические зоны: «социальные изменения и потрясения» (273 – 20,1 %), «континенты, страны и отдельные территории» (138 – 10,2%), «свет и цвет» (128 – 9,4 %); «политика и государственная власть» (120 – 8,9%). Это свидетельствует о том, что в обыденном сознании молодежи в целом отражаются основные понятийные и ассоциативные признаки концепта «цветная революция», однако, полностью концепт ими не осмыслен.

Перспективы дальнейшего исследования: расширение эмпирической базы исследования за счёт психолингвистических экспериментов, проведённых в других регионах России, а также привлечения материалов зарубежных корпусов; проведение сопоставительных исследований, направленных на анализ дискурсивной вариативности концепта, а также на особенности его структуры и вербализации в разных языках.